

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It features a central figure in a yellow raincoat with a hood, whose face is replaced by a dark, toothy maw and glowing red eyes. The figure is set against a backdrop of a stormy sea with white-capped waves and a sky filled with dark, swirling clouds. A bright, circular light source, possibly the moon, is visible behind the figure's head. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and the bright yellow of the raincoat, with a fiery orange glow emanating from the figure's mouth and the background light.

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИКОВ

ХОЗЯИН ОСТРОВА
ЭЙЛИН-МОР

Сергей Валерьевич Мельников

Хозяин острова Эйлин-Мор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68786142

SelfPub; 2023

Аннотация

Удивительное письмо получил комиссар на Внешних Гебридах рождественским утром 1900 года. Доставлено оно было способом столь невероятным, что, не смотря на ранний час, немедленно легло на стол адресату. Послание от его армейского друга проливало свет на недавнее исчезновение смены смотрителей маяка на крошечном островке Эйлин-Мор, но то, что таилось в тени, оказалось гораздо важнее. Я расскажу вам историю бывшего капитана торгового флота Дональда МакАртура, одного из сгинувших на Эйлин-Море, так откровенно и подробно, как рассказал её он сам. Вы спросите: "Он что, не умер?", а я отвечу: "Поверьте, смерть – не самое страшное"

Содержание

Истинная история маяка на острове Эйлин-Мор, рассказанная Дональдом МакАртуром	7
Таинственное исчезновение юного Томми Маршалла	21
Два года спустя	52
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Мельников

Хозяин острова Эйлин-Мор

Сергей Мельников

Хозяин острова Эйлин-Мор

Дело о пропаже зрителей маяка началось с письма комиссару, доставленного способом загадочным и невероятным. Рождественским утром 25 декабря 1900 года молодой констебль Квиди, патрулируя набережную Сторновэя, заметил светлое пятно на украшенном белыми и красными лентами фонаре в конце причала. Самого светильника на столбе почему-то не было. Движимый любопытством, констебль подбежал к нему и увидел сильно повреждённый водой листок.

Неустановленный злоумышленник вырвал с корнем колпак фонаря, а одним из болтов пригвоздил бумагу к столбу. Жители окрестных домов и сторож, сидевший в своей будке в двухстах ярдах от причала, клялись и божились, что никакого шума с места происшествия не слышали. Когда погас фонарь, никто сказать не мог.

Прибывший инспектор выбрал грузчика покрепче, вручил ему кувалду и такой же болт. Следственный эксперимент показал, что дюжий докер с бицепсами, размером и твёрдостью напоминавшими бочонки эля, смог вбить болт в дерево только с девятого удара, а на шум, сбежалась вся округа.

В полном недоумении сотрудники полиции уступили место происшествия техникам газовой компании.

Своей цели неизвестный злоумышленник достиг: письмо, написанное несмываемым карандашом на листе из разграфлённого журнала, попало на стол комиссара. Именно его фамилия была выведена размашистым почерком в первой строке. А внизу стояла подпись: Лт. Первого Королевского Сассекского полка Дж. Дукат.

Когда комиссар отложил лупу и листок, инспектор сказал с презрительной улыбкой:

– Я думаю, сэр, какому-то писаке не дают покоя лавры мистера По, и он решил таким образом привлечь внимание к своей персоне.

Комиссар смерил его тяжёлым взглядом и ответил:

– Поверьте, инспектор, чтобы Джим Дукат выдавил из себя пару строк, должно случиться второе пришествие, а тут целое письмо. Соберите группу и будьте готовы. Я распоряжусь, чтобы вас доставили на Эйлин-Мор как можно быстрее.

В тот же день из бухты Сторновэя вышла рыбацкая шхуна, зафрахтованная комиссаром. На палубе стоял инспектор и с тоской смотрел на удаляющийся городок.

На самом деле эта история началась немного раньше: в день, когда бывший капитан торгового флота Дональд МакАртур стал смотрителем маяка на крошечном островке Эйлин-Мор в архипелаге Флэннан, так он обозначен на британ-

ских картах. Шотландцы называют его «Фланнах», а среди местных жителей ходит имя «Семь охотников».

Истинная история маяка на острове Эйлин-Мор, рассказанная Дональдом МакАртуром

Северная Атлантика – место гиблое. Воды в наших краях изобилуют рифами, берега круты, подходы к ним утыканы острыми скалами. Арктический северо-восточный Борей дует почти круглый год. Веками он гнал к нашим берегам драккары жестоких и жадных викингов, теперь измельчал и гонит лишь ледяную крошку, жадно и безжалостно отбирая остатки тепла. Шторма у нас – дело обычное, а зимой море редко бывает спокойным.

Труднее всего приходилось судам, идущим в Шотландию из Исландии: Борей сносил их к подводным скалам, окружающим острова Фланна. Пока ко дну шли шотландские моряки, это никого не волновало, но стоило напороться на скалу норвежскому пароходу, и Адмиралтейство нехотя открыло кошелёк. Пять лет назад на Эйлин-Море начали строить парафиновый маяк, а в прошлом году в него установили новейшую ацетиленовую горелку.

Я давно не вожу суда океанскими маршрутами, и на лов в те места не выхожу. Моя жизнь могла бы пройти спокойно и размеренно в двадцати милях от проклятого острова с чёртовым маяком, но кредиторы не оставили мне выбора. Мой

красавец-клипер с пробитым дном уже несколько лет лежал у подножия рифа Хелен, а его владелец начинал проявлять признаки нетерпения.

Когда в Сторновэе прошёл слух о том, что на Эйлин-Мор нанимают зрителей, желающих не нашлось, не смотря на хорошее жалование. Про острова Фланнах на Гебридах ходит немало зловещих легенд. Где-нибудь в эдинбургской гостиной или лондонском клубе они могут показаться глупым суеверием. Здесь, на пустынном острове, где бурые вересковые пустоши сползают в бездонные болота, холодные бельма озёр смотрят в серое небо с несущимися по нему тучами, а на древних курганах стоят гигантские глыбы старше пирамиды Хеопса, легенды намного ближе дирижаблей и электрических фонарей.

Я суеверен, как все моряки, и не желал рисковать ни телом, ни бессмертной душой ради денег, но сын судовладельца быстро убедил меня в обратном. С тяжёлым предчувствием я вернулся домой, повесил на крюк мокрый макинтош. Конверт с подписанным контрактом во внутреннем кармане пиджака охлаждал сердце. В глубине дома трещали дрова в камине, из кухни пахло жареной рыбой. Я, стараясь не шуметь, снял ботинки и подкрался к двери гостиной. Оттуда раздавалось невнятное бормотание и скрип половиц. Осторожно повернув ручку, я резко распахнул дверь. У камина, посасывая вересковую трубку, сидела Лорна, моя тёща, старая наполовину парализованная пьяница.

После смерти мужа она слегла несколько дней лежала, глядя сухими глазами в потолок, а, когда немного отошла, оказалось, что ноги её не слушаются. Тогда я пожалел старуху и привёз ей из Глазго инвалидное кресло на колёсах. Неблагодарная ехидна быстро освоилась и первым делом нашла, где я прячу свой виски. С тех пор мы играли с ней в одну и ту же игру: она хлестала моё спиртное, я пытался её поймать на горячем, но она всегда оказывалась быстрее. Для своего возраста у Лорны был слишком острый слух и ловкие руки.

– Вернулся, зятёк? – спросила она, не вынимая трубки изо рта. – Думала, ты в Сторновэе ночевать останешься.

– Что мне там делать? – буркнул я, внимательно рассматривая задравшийся половик у правого колеса её коляски.

– Чтобы Дон МакАртур и не нашёл, как развлечься в большом городе? – расхохоталась Лорна. – Неужели ты стареешь, мой дорогой зять?

– Большой... – фыркнул я. – Ты лучше скажи, что у тебя там под половиком спрятано!

– Где? – она удивлённо оглянулась.

– Ну хватит! – я упал в кресло напротив. – Давай, доставай, старая воровка, пока виски не закипел! Ты б его ещё в камин засунула!

С обречённым вздохом Лорна подняла с пола бутылку и стакан. Я протянул ей глиняную кружку:

– Наливай, и про себя не забудь!

Она плеснула мне в кружку, бросив недоверчивый взгляд, налила себе полный стакан и сразу опустошила его на треть.

– Какой ты сегодня добрый! – Лорна блаженно зажмурилась. – Никак зубы стучат от нового места службы?

Я тоже глотнул и посидел немного с закрытыми глазами, наслаждаясь теплом.

– Кто наплёл уже?

– Сорока на хвосте принесла.

– Сорока? – рассмеялся я. – Сороку Аннабель зовут? Это какие ж крылья должны быть, чтоб её толстый зад от земли оторвать? Перестань, чего б им стучать? Хорошее место, не работа – мечта. Ничего не делаешь, а денежки на счёт капают.

– Да конечно! – не унималась вздорная старуха. – Стучат, потому что страшно самому идти к охотничкам в зубы.

– Глупые суеверия, – фальшиво отмахнулся я.

– Не скажи! – Лорна понизила голос и склонилась ко мне. Редкие седые пряди упали на лоб, в глазах плясали огоньки пламени, добавляя безумия в наш разговор. – Ты знаешь, что острова Фланнах ещё называют «Семь Охотников»?

– Знаю, – нехотя сказал я. – Семь островов – семь охотников. Птицу там били предки, вот и всё объяснение.

– Не пытайся выглядеть глупее, чем ты есть, Дон. Всё ты прекрасно знаешь, а возражаешь мне только из упрямства. О Морском Хозяине и его семи охотниках знают не только здесь, но и у меня на родине. Ты же знаешь, что я из Белфа-

ста? Люди там пропадали ещё во времена набегов викингов. Когда скотты воевали с пиктами, на Эйлин-Мор ушёл большой отряд с жёнами и детьми. Не вернулся никто, а посреди острова нашли курган, сложенный из костей и черепов. Так-то!

– От голода умирали, а хоронить сил не оставалось, вот и стягивали тела в одну большую кучу, – попытался возразить я.

– Не так быстро плоть полностью истлевает, Дон. А вот тебе совсем недавний случай. Помнишь старого Нэрна?

Я опрокинул остатки виски в рот и протянул кружку Лорне за новой порцией.

– Не помню, – соврал я.

– Врёшь, зятёк. Нэрн так знатно отходил тебя веслом по хребту, когда застал тебя со своей дочуркой под лодкой. Все думали, ты не выживешь. Такое не забывается.

– Сплетни.

– Оставь, Дон, я хорошо тебя помню молодым. Приезжал щёголем, все девки от тебя млели, а ты пользовался. У меня на таких кобелей глаз намётан. Хорошо тебе моя Грейс попалась, перья повыщипывала, – Лорна расхохоталась беззубым ртом. – Огня хотел, а женился на дровах. Где твои глаза были, Дон?

Я уткнулся взглядом в кружку. Права Лорна, как есть права. Мне и правда отказа не было: молодой, красивый, уже капитан торгового флота, при деньгах, которые в Мангерсте

никому и не снились. А Грейс меня отшила. Красивая была и гордая, держала себя, как дочь лорда, а не простого рыбака, тем и зацепила. А потом оказалось, что, кроме красоты, ничего в ней и нет: кукла фарфоровая, пустышка. Пока мог, держался от неё подальше, но пришлось вернуться.

– У нас говорят: не можешь кусать – не скаль зубы, а у тебя, зятёк, рот не закрывался, – не унималась Лорна.

– Занесло тебя в дебри, – оборвал я её. – Что там с Нэрном-то?

– Да ничего, нету больше Нэрна. Пропал за пару лет до того, как ты приехал с поджатым хвостом. Какой-то сказочник наплёл старому дураку, что у Эйлин-Мора видел огромный косяк макрели. Нэрн повёл туда свою шхуну. День нет, два нет. Потом рыбаки наши с Логаном, его племянником, пошли к островам Фланнах и нашли там его судно, пустое: ни Нэрна, ни сыновей.

– Мало ли, – пожал я плечами. – Штормом за борт смыло.

– Такого опытного моряка, как Нэрн? С палубы судна, стоящего на якоре? Сам понял, что сказал? – Старуха протянула мне стакан, и я послушно плеснул туда виски.

– Это не всё, – сказала она. – После его исчезновения пропали жена и младший сынишка, ему всего десять лет исполнилось, как нашему Шону.

– И куда они пропали? – спросил я.

– Тоска заела, – непонятно ответила Лорна. – Не ходил бы ты, зятёк, на тот маяк. Сожрут тебя охотнички, если повезёт.

А не повезёт...

Она выдержала драматическую паузу и сказала шёпотом:
– Сам охотником станешь, а это похуже смерти.

В гостиную заглянула Грейс, недовольно посмотрела на нас, на стоящую между нами полупустую бутылку виски, но промолчала. Поджав сухие губы, ушла, слишком громко хлопнув дверью. Не обратив на это внимания, я тоже склонился к Лорне.

– А тебе-то что? – спросил я. – Сгину на Эйлин-Море, только перекрестишься.

– Господь с тобой, Дон. Никто не будет оплакивать тебя горше, чем я. Где я выпивку брать буду? От настойки Аннабель у меня изжога, а от моей ханжи-дочурки ничего крепче молока не допросишься.

Я не удержался и расхохотался в голос.

– Возвращайся, Дон! – сказала Лорна без тени обычного ехидства. – А лучше вовсе не уезжай.

– Не могу, – вздохнул я. – Мне пообещали хорошее жалование, а дела у меня не очень, ты и сама знаешь.

– Никакие деньги не стоят загубленной души.

– В любом случае, отказываться поздно.

Хлопнув по ручкам кресла, я поднялся, и Лорна отсалютовала мне стаканом:

– Ну, будь здоров, зятёк! Хотя, зачем тебе теперь здоровье?

Меня это разозлило. Я выхватил из неожиданно цепких

рук выпивку.

– Хватит с тебя, старая дура, – бросил я, уходя. Но всё же перед отъездом оставил ей полдюжины бутылок.

* * *

Клипер "Кромдейл" из Глазго подобрал нас троих, новую смену смотрителей маяка, на рейде Касл-бэя. Со мной на Эйлин-Мор отправились ещё двое. Один – молодой паренёк Томми Маршалл. Его единственного пришла провожать на причал жена. Полчаса они ворковали друг с другом, держась за ручки, пока Дукат не рявкнул в голос так, что чайки взлетели с пакгаузов. Маршалл, втянув с перепугу голову в плечи, наконец, отлип от жёнушки, и мне стал виден её округлившийся животик. Ну что ж, судьба такая у жены моряка: ждать любимого и надеяться, что и в этот раз он вернётся.

Второй – Джеймс Дукат, бывший полицейский из Сассекса, старший смотритель маяка. Дукат носил бёрнсайдские бакенбарды и разговаривал, лениво ворочая слова в глотке. Заносчивый сассенах! Мне сразу захотелось начистить его рожу, как медную бляху, но долги учат сдержанности.

Мы поднялись на борт "Кромдейла". Томми стоял у лееров и махал рукой. Дукат сел на кнехт и принялся набивать трубку, с лёгким презрением поглядывая то на меня, то на Маршалла. Я сразу понял, что дружбы у нас не выйдет. На траверсе по правому борту медленно проплыл замок Кисимул. Я встал и отдал честь развевающемуся над ним бело-голубому флагу Шотландии. Не то, чтоб я всегда это делал, но

сейчас очень захотелось позлить надутого южанина. Дукат сплюнул за борт и ушёл с палубы.

Я только покачал головой: плевать за борт — плохая примета. Когда ты ходишь на крошечном судёнышке по водной стихии, для которой твой кораблик мельче песчинки, поневоле будешь уповать на чудо. Предупреждение старухи Лорны тоже не давало мне покоя, какой бы безразличный вид я при ней не делал.

До Эйлин-Мора мы добрались за двенадцать часов. Клипер держал приличную скорость в десяток узлов, волнения не было, ветер попутный. Ближе к островам Фланнах резко похолодало и небо заволокло тучами, но море оставалось спокойным. "Кромдейл" встал на якорь в трёх кабельтовых от бухты, скорее трещины в скале, засыпанной большими и мелкими глыбами. Наверх вела железная лестница, правее торчал чёрный скелет лебёдки, едва видимый на фоне тёмного неба. Боцман дал отмашку, и на воду спустили две шлюпки. В одну загрузились мы с нашими пожитками, в другую матросы опустили бочки с карбидом.

Гребцы налегли, и мы медленно двинулись к скалам, заросшим понизу бурыми водорослями. Наш ялик резал носом мелкую рябь. В сгустившихся сумерках под самой поверхностью воды мелькали призрачные серебристые пятна. Может, и прав был тот сказочник из Мангерста про стаю макрели, за которой старый Нэрн отправился в своё последнее плавание. Места тут рыбные.

Дукат стоял, засунув руку за борт бушлата. Обращённая в мою сторону половина его лица была мертвенно-зелёной от носового фонаря. Неровный свет от рифлёного стекла ложился полосами, будто Дукат находился под водой, покрытой рябью. Я помотал головой, отгоняя наваждение.

Остров медленно увеличивался в размерах. Был он, по сути, одной большой скалой, на которую ветром, провидением или недоразумением нанесло немного земли. Здесь было всего два цвета: бурый цвет гнилых водорослей, тонкого слоя грунта, жухлой травы, припорошенной снегом, и серый: скал, похожих на застывшую магму, моря и неба, почти сливающихся друг с другом. Посреди этого серо-бурого мрака торчало единственное светлое пятно: невысокая белая башня потухшего маяка.

– Почему маяк не горит? – спросил я у Дуката.

Он недовольно посмотрел на меня, будто я оторвал его от важных размышлений и неохотно ответил с протяжным южным выговором:

– Лихорадка. Смотрителей вывезли, трубы перекрыли. На рейде с севера дежурит "Энсон".

Он отвернулся, не желая продолжать разговор. Оглянувшись назад, я увидел Маршалла. Он сидел на полуюте, уткнувшись носом в какую-то безделушку. Почувствовав мой взгляд, он спрятал её за пазуху и смущённо улыбнулся. На «Кромдейле» пробили склянки, со скалы впереди сорвались бакланы и заметались в воздухе над нашими головами,

скрипуче проклиная непрошенных гостей.

— Да, сэр, — сказал мне молодой матрос, налегая на весло. — как посмотрю: просто страсть. На этом крошечном камушке посреди моря, на несколько месяцев. Не завидую вам.

— Ничего, — пожал я плечами, — этот камушек не утонет, а я отдохну от двух язв.

— Правый, навались, левый сбавь! — скомандовал старший матрос.

Остров медленно поплыл влево, открывая каменистую расселину.

— Береги вёсла! — последовала команда.

Матросы напряжённо вглядывались в проплывающие мимо в сумерках скалы. С одной из них с маслянистым плеском скользнул в воду тюлень. Я тоже напряг зрение, улавливая среди всеобщей серости более тёмные пятна, об которые можно повредить лодку. Справа показался большой круглый валун. Сидящий рядом молодой матрос приподнял весло, чтоб не зацепить его лопастью. Вода полилась на камень, и вдруг он ушёл целиком под воду, оставив за собой расходящиеся круги, в центре которых лопнул большой пузырь воздуха. Матрос повернул ко мне испуганное лицо, но я только пожал плечами:

— Тюлень, наверное, — сказал я со спокойствием, которого не испытывал.

— Тюлень? — переспросил он, судорожно сглотнув. — Разве бывают тюлени такого размера?

– Наверное, бывают. Может, морская корова? Слышал, что были такие животные, футов тридцать длиной, но вымерли. Может, не все?

– Может, – неуверенно кивнул матрос. Дальше он грёб с опаской, осторожно погружая весло в воду.

– Достаточно! – скомандовал старший.

Матросы подняли вёсла и начали укладывать их вдоль бортов. Под дном закрипела галька. Гребцы сноровисто вытащили шлюпку носом на каменистый берег. Правее на пляж выскочила лодка, гружёная ёмкостями с карбидом.

Матросы подтащили бочки к лебёдке. Пока они поднимали вверх карбид и грузили в четырёхколёсную вагонетку, мы, загрузившись нашими пожитками, полезли по лестнице вверх. На кромке скалы, когда вся небольшая поверхность острова открылась перед нами, я оглянулся назад. Совсем рядом – рукой подать – ярким светляком в ночи горел огнём наш клипер. Белый клотиковый огонь заливал палубу и зарифленные паруса.

У лееров стояли люди, наблюдая за высадкой, а вокруг судна, насколько глаз хватает – чёрное море, чёрное небо, затянутое чёрными тучами. Темнота сжала яркий огонь нашего корабля: ещё чуть-чуть и раздавит. Я с трудом подавил желание сбегать вниз, к шлюпкам и грести туда, где свет, где люди, где цивилизация, подальше от этих диких безлюдных мест, и плевать, что обо мне подумают. Потом вспомнил о своих долгах и, сжав волю в кулак, потащился с кладью к

маяку.

По выложенным вулканическим туфом ступеням я поднялся к распахнутой деревянной двери. Дукат с керосиновой лампой в руке указывал матросам, что куда ставить. Внутри было холодно и сыро, кажется, даже холоднее, чем на улице. Повинуясь его командам, мы с Томми заправили ёмкости карбидом, подкачали воду. Дукат сам вскарабкался на самый верх и рявкнул оттуда:

– Маршалл! С водой и тряпкой сюда!

Томми через ступеньку рванул по лестнице наверх.

– Линзы Френеля грязные! Отдраить, чтоб сияли, как Божья благодать! – услышал я оттуда.

Сверясь с инструкцией, я дождался нужного показания манометра и перешёл ко второй ёмкости. Старший матрос, задрав голову, крикнул:

– Мы всё закончили, сэр. Можем отчаливать?

– Да! – ответил Дукат сверху.

С видимым облегчением, матросы сбивчиво попрощались со мной и потрусили к берегу, а я с непонятной тоской проводил их взглядом. Мы остались одни на этом крошечном камушке посреди темноты, как его назвал молодой матрос.

Тут сверху раздался ровный гул, яркий луч разрезал ночную мглу, превратил на мгновение ночь в яркий день. Засверкал снег на тёмно-зелёной траве, и сразу отпустило напряжение. "Свет солнца прогоняет тьму", как сказал апостол Матфей. Я перекрестился и потащил свой багаж в спальню.

Заскрипели шестерни, и луч сместился в сторону. На дорожку за окном вновь опустилась непроглядная ночь, но страха больше не было: от вершины нашего маяка в море уходил яркий луч света, как знак того, что Господь всегда с нами.

Таинственное исчезновение юного Томми Маршалла

Очень быстро оказалось, что самый страшный наш враг — не тьма и штормящее море, а скука. Маяк не требовал многого, и все технические задачи по его обслуживанию занимали незначительную часть времени. Маршалл по большей части валялся на своей койке, разглядывая портрет любимой в медальоне, который носил на груди. Именно за этим занятием я застал этого достойного юношу на полуюте шлюпки. Дукат был молчалив, с нами предпочитал общаться исключительно командами, и всеми силами английской души показывал своё превосходство над жалкими северянами.

День на третий Томми бродил по островку и нашёл крошечную бухту с противоположной стороны, а в ней на чёрной гальке лежала перевёрнутая вверх дном лодка. На побелевших от старости и морской воды кольях висели сети, а под самой лодкой обнаружили и прочие рыболовные снасти. Обрадованный сверх меры, он влетел в дверь, и захлёбываясь от счастья, поведал нам о своей находке.

Дукат презрительно выпустил воздух сквозь сжатые зубы и сказал:

— Меня б спросил. На маяках всегда есть рыбацкая лодка. И ушёл. А я просто от души поздравил Маршалла с на-

ходкой.

С этого дня он каждый день выходил рыбачить возле скал, иногда я составлял ему компанию. Мы много разговаривали. Я рассказывал ему о своих морских путешествиях, о далёкой Америке. Он слушал меня, открыв рот, а мне, не скрою, был приятен такой собеседник. Оказалось, что он с малолетства мечтал пойти матросом в королевский военно-морской флот, но рано и удачно женился. Ничто так не отдаляет человека от моря, как счастливая семья, и ничто так не приближает, как сварливая жена.

Объединяло нас с Маршаллом и то, что мы оба чувствовали себя намного комфортнее, когда не видели вечно недовольную бульдожью морду Дуката.

Так мы и служили. Томми оказался умелым рыболовом, и наше меню стало намного разнообразнее. Я готовил, а в этом я мастер. Дукат раздувал щёки от чувства собственной значимости.

В один день, когда на море опустился густой туман, случилось непоправимое. Я накануне немного перебрал, обсуждая с Дукатом, справедливо ли Англия обошлась с Шотландией. Под жаркие споры, и от раздражения, которое у меня неизменно вызывает его надменная физиономия, я выпил лишку и теперь страдал от боли в висках. Когда Том позвал меня на рыбалку, я отрицательно мотнул головой, и сразу пожалел об этом. Лихо козырнув мне на прощание, Маршалл убежал к своей бухте. С рыбалки он не вернулся.

Обычно он причаливал до того, как солнце достигнет своей наивысшей точки, которая на нашей широте не так уж и высока. Но подошло время обеда, а его всё не было. Дукат от меня лениво отмахнулся: он всё ещё страдал от похмелья и уязвлённого имперского самолюбия, поэтому я отправился на поиски один.

Ночью шёл снег, и на нашем продуваемом всем ветрами островке было совсем неуютно. Первым делом я добежал до бухточки, где Том хранил свою лодку. Там было пусто, лишь торчали выбеленные шесты, на которых он развешивал сеть.

Тогда я кинулся на противоположную сторону, к той расщелине, через которую мы попали на Эйлин-Мор, но и там не было никаких следов. Я обошёл весь остров по краю, пристально вглядываясь в море, в надежде увидеть тёмное пятнышко его лодки на хмурой глади Атлантики, но всё было тщетно.

Расстроенный и обескураженный, я вернулся к маяку. Сверху, от фонаря, спускался Дукат. Обычное его высокомерное выражение сменилось растерянностью, мне было непривычно видеть его таким.

– Я осмотрел море до горизонта, но не увидел его, – Дукат поставил на стол 12-кратный морской бинокль и тяжело опустился на табурет. – Даже если бы он утонул, лодка должна была остаться на плаву. На море штиль, её не могло далеко отнести течением, а туман почти спал.

Я не знал, что ему сказать. В наших краях водились ки-

ты, сюда заплывали акулы. Любое крупное морское существо могло затопить лодку, будь у него такое желание. Я понимал бесполезность дальнейших поисков, но сидеть на маяке с Дукатом было выше моих сил. Я вышел на берег и начал методично обходить остров, заглядывая в каждую расщелину.

Когда солнце село, Дукат высунулся из-за двери и крикнул мне:

– МакАртур, выпейте горячего чаю, не хватало, чтобы вы простудились и скинули всё на мои плечи.

Несмотря на то, что я поплёлся в наш домик. Странное дело, я совсем не замёрз, словно мороз в моей душе уравновесил холод снаружи. Сегодня я потерял своего единственного друга, и даже не знаю, что с ним на самом деле случилось.

Дукат сунул мне в руки огромных размеров кружку с крепким чаем, обильно сдобренную чёрным ромом и специями, судя по запаху. В жидкости плавала, наверное, половина лимона, нарезанная дольками. Я с сомнением посмотрел на начальника, но он сказал строго:

– Давайте, МакАртур, давайте, пейте, пока грог горячий. Это не выпивка, а лекарство.

Крепкое пойло потекло по жилам и затуманило мозг. Захотелось забраться под тёплое одеяло, но я благодарно кивнул Дукату и снова натянул макинтош. Дукат скривился:

– МакАртур, вы не хуже меня понимаете, что Маршаллу уже ничем не помочь. Температура воды около нуля, прошёл

целый день. Он не выжил бы даже, если б выбрался на берег.

– Простите, сэр, я всё равно не усну, – ответил я.

С зажжённым фонарём в вытянутой руке, я выскочил наружу, а Дукат, недовольно бурча под нос, удалился в спальню.

Порыв ветра качнул меня, а может, в гроте было слишком много рома. Подавив отрыжку, я двинулся по берегу, внимательно глядя с обрыва вниз, и стараясь не поскользнуться на поросших мхом и присыпанных снегом камнях. Я метался по островку, прекрасно понимая, что потеряться тут просто негде. Надежда покидала меня постепенно, вместе с силами. Я всё меньше мог сопротивляться порывам ветра, и меня всё больше тянуло присесть на камень и отдохнуть.

Я решил ещё раз спуститься к месту нашей высадки и посветить фонарём, подавая сигнал. Затея, глупая совершенно, ведь у меня над головой в темноту над морем бил яркий луч маяка. С трудом удерживая равновесие на скользких камнях, я спустился вниз. Осмотрел, на всякий случай, всю нашу крошечную бухту. Пусто, только блестят мокрые камни и морщится недовольно вода, перемешивая гальку.

Мне стало так неудобно и грустно, что с ослабевшими коленями я опустил на валун у самой кромки воды. У моих сапог плескалось море. Фонарь показался невыносимо тяжёлым, и я поставил его за спину. Завернувшись в макинтош, я зябко втянул голову в плечи. Глядя на свой тёмный силуэт, колеблющийся на поверхности воды, я погрузился в груст-

ные мысли.

Мне показалось, что один из камней в бухте: дальше, у самого выхода из неё, ушёл под воду. Я напряг зрение, но больше ничего не менялось: море оставалось спокойным, и скалы никуда не перемещались, как им и положено природой. Я с тоской поднял глаза на уходящий вдаль луч света, подпитываясь его чистой силой, а когда опустил взгляд, увидел округлый камень, торчащий над водой там, где его совершенно точно не было: ровно посередине бухты. У меня на глазах он ушёл под воду.

Со смешанным чувством страха и надежды я вскочил на ноги и схватил фонарь, но свет его был слишком слаб. Как я ни вглядывался, рассмотреть что-то на расстоянии больше трёх ярдов я не мог. Я снова вскинул глаза к небу и в голове вспыхнуло: надо бежать к Дукату, уговорить его направить свет маяка сюда, на бухту. Я не успел сделать и шага, как услышал тихий голос Маршалла:

– Мистер МакАртур, погасите фонарь, пожалуйста.

Да, это был голос Томми, но ровный и безжизненный. Я обернулся: в неверном свете фонаря заплясали тени на серой стене утёса, и одна из них с тихим плеском ушла под воду.

"Отец наш Небесный Да Святится Имя Твое Да приидет Царство Твое Да будет Воля Твоя На земле, как и на Небе..." – зашептал я тихо и сразу устыдился своего стеснения. Я договорил молитву громко, в полный голос. И в тот момент, как я сказал "аминь" и осенил себя крестным зна-

мением, Маршалл сказал:

– Это не поможет, мистер МакАртур. Не бойтесь, я не причиню вам вреда.

Слева раздался всплеск, застучали капли по камням. Из моря за большую, обтёсанную волнами скалу скользнула чёрная тень.

– Погасите фонарь, пожалуйста, или направьте в другую сторону: сильно глаза режет, – попросил Томми.

Я с трудом удержался, чтобы не припустить вверх по склону в убежище нашего маяка, за крепкую дубовую дверь, обитую железными полосами, в голосе Тома не было угрозы. Превозмогая страх, я убрал фонарь за камень.

– Спасибо, мистер МакАртур, – сказал Томми.

Мои глаза уже достаточно привыкли к темноте, чтобы увидеть, как слева от края скалы появилось круглое чёрное пятно: его голова. Маршалл долго присматривался, потом встал в полный рост и протянул руку ко мне:

– Простите, я не хотел вас напугать, – сказал он.

Я до рези в глазах вглядывался в его фигуру, пока не понял, что не так. Сейчас, в декабре, в продуваемой ледяным ветром бухточке на каменной скале посреди Атлантики, Томас Маршалл стоял передо мной голый, и при этом его голос не дрожал, и зубы не стучали. Я не верил ни в какую мистику, хотя... О, Господи! Кого я обманываю? Ощущая, как поднимаются волоски на моей шее от ужасного предчувствия, я спросил:

– Томми, ты умер?

Он покачал головой:

– Нет, мистер МакАртур.

– Тебе холодно?

– Нет, – ответил он и присел на камень напротив меня.

Нас разделяло не больше пяти ярдов. От Томми исходил сильный запах свежеразделанной рыбы.

– Мистер МакАртур, я помню добро. Поэтому прошу вас: уезжайте с острова. Отправьте "SOS" лучом маяка в сторону Гебрид, вас должны будут отсюда вывезти.

– Томми, – сказал я, пряча панику за показным спокойствием. – Пойдём со мной. Дукат, конечно, редкая сволочь, но он сварил горячий грог. Если ты жив, если ты не боишься молитвы, значит, всё ещё можно исправить!

Я услышал странный звук: Томми то ли всхлипнул, то ли тихо рассмеялся.

– Вы только что просили защиты у Господа. Наверное, вы давно не вдумывались в слова этой молитвы. "Да будет воля Твоя на земле, как на небе", – продекламировал он. – Тут ничего нет про воду. Знаете, почему?

Я недоумённо покачал головой.

– Потому что в океане свои боги, мистер МакАртур, и Господь земной и небесный не имеет над ними власти. Уезжайте отсюда, прошу вас, и больше никогда не приезжайте.

Он повернулся к морю и, осторожно переступая, вошёл в воду.

– Том, – окликнул я его, – вспомни о своей жене и ребёнке, которого она носит под сердцем.

– Нет минуты, чтобы я не думал о них, – ответил он, не оборачиваясь.

Эти грустные слова, сказанные ровным тихим голосом, потрясли меня. Морская волна накрыла его голову, и он исчез. Я долго вглядывался в тёмную воду, но больше Том не показывался.

Всю дорогу к маяку я думал, как рассказать Дукату о моей встрече с Томасом и, уже на пороге, понял, что не смогу. В лучшем случае он посмеётся над суеверным джоком, в худшем – запрёт меня в кладовой от греха подальше. Поэтому я налил себе ещё одну кружку грога и пошёл спать. Но, не смотря на выпитый ром, заснуть мне удалось лишь под утро.

Целый день я ходил вокруг поворотного механизма маяка и обдумывал слова Маршалла. Я даже прикидывал, как оглушить Дуката и подать сигнал бедствия, но, оказалось, не так просто ударить исподтишка человека, даже если он тебя сильно раздражает. Так ни на что и не решившись, я лёг спать, а утром пошёл в обход по берегу.

Я вглядывался в океанские воды в надежде вновь увидеть Маршалла, но на море всё так же стоял штиль, солнце бликовало на поверхности и слепило глаза. Так я дошёл до бухты, откуда Том выходил рыбачить. На берегу, полностью вытасченная из воды, лежала лодка с пробитым днищем. Никакой прибой не смог бы положить её на берег так аккуратно.

Я заглянул под шлюпку, но там было пусто. Я не сомневался ни секунды, что это дело рук Маршалла. Может быть, он не дождался мольбы о помощи с маяка и решил спасти меня таким путём?

В состоянии крайней задумчивости я вернулся на маяк. Дукат с любопытством посмотрел на моё отсутствующее выражение, и я сказал:

– На берег выбросило лодку с пробитым дном.

– Маршалла?

Я молча кивнул. Дукат, на ходу натягивая бушлат, выскок наружу, я за ним, догнал его на краю обрыва возле бухты. Он задумчиво смотрел вниз, потом спросил:

– Она так и лежала?

– Нет, конечно, – соврал я, – она уткнулась носом в камни, полузатопленная. Я вытащил её, чтобы не унесло отливом.

– А перевернули зачем?

– Чтобы дно осмотреть.

Меня тревожил его подозрительный взгляд.

– Сапоги сухие, – ткнул мне в ноги чубуком.

– Говорю же: лодку вынесло на берег. Я ухватил её за кольцо и вытащил. В море не заходил.

– Хм-м, ладно, – протянул он недоверчиво и сбежал по камням к лодке.

Он придиричиво осмотрел днище, периодически многозначительно хмыкая и постукивая трубкой по доскам, потом приложил чубук к дыре и повернулся ко мне.

– Дно пробито снизу твёрдым предметом диаметром около трёх дюймов. Что это может быть? – он посмотрел на меня с видом, будто этот предмет трёх дюймов в сечении я держу за спиной. – Ну давайте, МакАртур, вы же из этих краёв.

– Не знаю, – Я действительно был в недоумении. – Может быть, нарвал?

– Нарвал? – переспросил он. – Ну что ж, возможно, возможно...

Больше он не проронил ни слова. Вечером за ужином я, как бы невзначай, спросил:

– Мистер Дукат, сэр, может стоит подать сигнал бедствия? В смене должно быть три смотрителя, да и жена Маршалла до сих пор остаётся в неведении.

– Поверьте, МакАртур, – ткнул в мою сторону вилкой Дукат. – Неведение – это лучшее, что мы можем подарить бедной миссис Маршалл сейчас. Весь день с того момента, как он ушёл с маяка, вы находились у меня перед глазами, а я у вас. Следовательно, никто из нас к его гибели не причастен. Обычная трагическая случайность на рыбалке: его путь пересёкся с путём какой-то большой морской твари. Давайте продолжим нести службу и не будем лишать миссис Маршалл жалования её погибшего мужа. Вы согласны со мной?

Я испытующе посмотрел в его глаза, пытаюсь найти хоть малейший признак неискренности, но взгляд был безмятежен, как гладь пруда в безветренный день.

– Завидую вашему самообладанию, – покачал я головой, –

как подумая, что тело бедняги Тома обглаживают рыбы...

– Прекратите соплежуйство, МакАртур, вы же моряк! Море, бывает, забирает своих тружеников. Каждый, кто связывает свою жизнь с морской стихией, должен быть к этому готов.

Я не чувствовал и капли той уверенности, что излучал Дукат. Думаю, ему было плевать на наши жизни: и мою, и молодого Маршалла.

На следующее утро я взял деревянный ящик с плотницкими инструментами, моток пеньки, водостойкую смолу. Дукат, вытирая пену с выбритого между двумя кудрявыми кустами подбородка, спросил, куда я собрался.

– Хочу починить лодку, – ответил я. – Надоели консервы.

– Да? – усмехнулся Дукат. – А сеть вы из чего делать будете? Одной лодкой рыбы не наловишь, а все рыболовные снасти на дне морском, вместе с беднягой Маршаллом.

– Удочку сделаю из шеста, – буркнул я и отправился на берег.

Полдня я возился, заделывая пробоину. Я – рыбак, и делал это не раз. Работая, я вполглаза следил за морем, и боясь, и желая увидеть там голову Томми. Когда я думал о нём, о его беременной жене, об их нежных чувствах друг к другу, меня охватывала смертная тоска. Потом я вспоминал его слова о том, что Бог не властен над океаном, лежащим у моих ног, и тогда мне казалось, что я стою на самом пороге ада: вот-вот вода взорвётся брызгами, из неё вылетит костлявая

рука и утащит меня на дно.

Постепенно привычные движения вытеснили из головы сторонние мысли, и я так увлёкся плотницкой работой, что не заметил спустившегося по склону Дуката.

– МакАртур! – гаркнул он над моим плечом так неожиданно, что я подпрыгнул.

Испуганно обернувшись, я увидел своего начальника с трубкой в зубах и двумя глиняными кружками, исходящими паром.

– Дружище, вы на меня смотрите так, будто чёрта увидели.

Если б Дукат мог читать мысли, он бы понял, что был близок к истине.

– Извините, сэр, увлёкся.

Дукат протянул мне одну из кружек.

– Держите, МакАртур, вам сейчас не повредит. Мой фирменный грог, только рома поменьше. Согреет, но не опьянит – то, что нужно.

Я принял кружку из его рук и сделал большой глоток.

– Ну как? – спросил он с улыбкой, и я благодарно зажмурился.

Со дня исчезновения Маршалла Дукат начал проявлять вполне человеческие качества.

– Вы не проголодались? – спросил он, но я покачал головой:

– Нет аппетита. Хочу сегодня доделать и оставить её сох-

нуть. Вечером поем.

– Ну, как знаете, МакАртур. – Он пожевал губами, переводя взгляд с меня на лодку и обратно, и его торчащие баки ещё больше оцетинились. – Скажите начистоту: на кой чёрт вы её чините? Только не рассказывайте про внезапно проснувшуюся тягу к рыбной ловле.

– Вы всё равно не поверите, сэр.

– А вы попробуйте.

Я задумался, подбирая слова, потом сказал:

– Я видел Маршалла. Поздно вечером, в день его исчезновения.

Дукат молчал, пристально смотрел мне в глаза. Я выдержал его тяжёлый взгляд и пояснил:

– Я сидел на камне в бухте, где мы высадились на берег... Кажется, прошла вечность с того дня. Том вышел из моря и говорил со мной.

– И что он сказал? – Голос Дуката был так же тих и безжизненен, как голос Маршалла той памятной ночью.

– Он умолял, чтобы мы подали сигнал бедствия и бежали отсюда, как можно скорее.

– И вы только сейчас решили мне об этом сказать?

Я пожал плечами:

– А вы бы мне поверили?

Дукат попыхтел трубкой, обдумывая ответ, потом сказал:

– До Мангерсты по прямой около двадцати миль. Многовато для утлой лодки с наскоро заделанной пробойной.

– Вы сами сказали, что море, бывает, забирает своих тружеников, – возразил я. – Ну что ж, значит судьба такая. В любом случае, сэр, я бы предпочёл, чтобы у нас была хотя бы умозрительная возможность отсюда выбраться.

Ни слова не говоря, Дукат развернулся на каблуках и пошёл к подъёму. Забравшись на пару метров выше, он обернулся и сказал:

– Про вёсла забыли, МакАртур. Грести руками собираетесь?

Не дожидаясь ответа, он зашагал по склону.

Удивлённый тем, что эта простая мысль не пришла мне на ум, я присел на киль лодки и повесил голову. Просидев так пару минут, я подскочил к самой воде и заорал:

– А вёсла, Том? Вёсла?!

На следующее утро под лодкой лежали два разномастных весла. Одно было похоже на те, какими Том выгребал на место лова, а второе, выкрашенное облупившейся зелёной краской, носило следы акульих зубов. Я показал свою находку Дукату. Он долго рассматривал их, скрёб ногтём отметины. Потом поднял глаза, и я понял: что-то изменилось.

В тот вечер я впервые увидел, как он чистит револьвер. Откровенно говоря, я вообще не знал, что у него есть оружие. Теперь большую часть дня он проводил наверху, возле горелки маяка. Он бродил по кругу, рассматривая море в бинокль, был неразговорчив и рассеян. Пару раз я пытался подняться к нему поговорить, но сразу наткнулся на угрю-

мое: "Мне нужно побыть одному, МакАртур, будьте любезны...". Я проявлял любезность и спускался вниз, чтобы до позднего вечера слушать, как трещат половицы под его башмаками.

Однажды утром я проснулся и обнаружил, что постель Дуката тщательно застелена. Я взял полотенце, мыло и вышел из спальни.

– МакАртур! – крикнул сверху Дукат. – Я слышу, что вы уже встали. Идите сюда!

Протирая заспанные глаза, я поднялся в световую камеру. Дукат стоял перед восточным окном.

– Смотрите!

Дрожащий палец уткнулся в стекло. Я повернулся и увидел, что небо на востоке заполнило красное зарево. Его огненное полотно от края до края пересекала чёрная полоса.

– Вы моряк, МакАртур. Мне надо объяснить вам, что это значит?

Он повернулся ко мне, и я увидел, как сильно он постарел. Лоб покрыли морщины, под глазами в сетке красных прожилок набрякли мешки. Подбородок, обычно тщательно выбритый, топорщился щетиной.

– Понимаю, сэр, – ответил я. – Вы мне поможете затащить лодку внутрь?

Уже к полудню грозовой фронт подобрался вплотную к острову. Плотные тучи заволокли небо, потемнело, почти как ночью. Из низких серых клубов в такое же серое море

столбами били ослепительно белые молнии. Налетел шквал, и я услышал, как зазвенели стёкла в окнах маяка. Я только разложил еду, как вдруг Дукат схватил меня за шкуру и потащил наверх.

– Быстрее, Дональд, быстрее! – кричал он, впервые назвав меня по имени, и я, потрясённый такой неожиданностью, карабкался следом. – Там, где яркий свет, мы в безопасности!

Только я взлетел за ним на самый верхний этаж, Дукат захлопнул крышку люка.

– Помогите мне, МакАртур, не стойте столбом!

Он пытался сдвинуть с места огромный рундук, забитый запасными линзами. Я упёрся рядом и, совместными усилиями, мы кое-как затащили его на люк.

– Дукат, чёрт возьми! – закричал я, забыв про субординацию. – Что происходит?

Он посмотрел на меня безумными глазами и сказал:

– Надеюсь, это их задержит.

– Кого их?

Не отвечая, он сел на пол, прислонившись спиной к основанию ацетиленовой горелки и достал револьвер. Прокрутил барабан и прицелился в сторону люка. Удовлетворённо кивнув, высыпал из кармана горсть патронов и выставил их в ряд между широко расставленных ног.

– Мистер Дукат, с вами всё в порядке? – спросил я, с беспокойством заглядывая ему в глаза.

– Зажигайте чёртов фонарь, МакАртур. Никто вас от слу-

жебных обязанностей не освобождал! – рявкнул он и продолжил расставлять перед собой золотистые патроны.

Все мои попытки выяснить хоть что-то не увенчались успехом. Дукат выглядел совершенным безумцем. Мои вопросы он пропускал мимо ушей и упрямо избегал смотреть мне в глаза.

Буря снаружи разыгралась не на шутку. Порывы ветра бросали потоки воды в окна, и толстое стекло прогибалось и звенело под их ударами. От линз за моей спиной шёл нестерпимый жар. Я чувствовал, как закипают мои мозги. Какое-то время я пробовал сидеть, как Дукат, прислонившись к основанию ацетиленовой горелки, но прохладней там не было. Поэтому я слонялся вокруг неё, избегая концентрированного луча, плотного настолько, что я мог бы потрогать его руками.

Дукат, казалось, ничего этого не замечал. Он сидел на полу перед выставленными в два ряда патронами. Револьвер с взведённым курком лежал под его правой ладонью, стволом к забаррикадированному люку. Сфокусированный линзой Френеля луч отбрасывал непроницаемо чёрные тени. Дукат молчал, и я видел только его ноги в потрёпанных башмаках.

Опасаясь, что очередной шквал разобьёт стекло и обрушит на меня поток осколков, я перебрался к западной стороне и выглянул в окно. Контраст между светом и тьмой был таким резким, что я почти ослеп. Прикрыв по бокам лицо

ладонями, я застыл, прижавшись к холодному стеклу. Постепенно глаза начали привыкать. Тьма снаружи запестрела светлыми и тёмными пятнами, и я понял, где заканчивается берег и начинается море.

Буйство стихий осталось за моей спиной. Здесь же буря огибала крутые берега нашей скалы, создавая относительно спокойный карман как раз со стороны рыбачьей бухточки. Я вглядывался в расселину, спускающуюся к ней, и думал, как хорошо, что мы успели затащить лодку с вёслами внутрь. Я вспоминал наши рыбалки с Томом, разговоры, его тёплую мальчишескую улыбку, а потом ровный и безжизненный голос в бухте высадки, и ужас брал меня за горло.

Наверное, слишком сильно разыгралась моя фантазия: мне показалось, что из расселины выползла тень, и стелясь по земле, как огромная ящерица, шустро перебежала к маяку. Я зажмурился до плавающих пятен и снова приник к стеклу, всматриваясь в темноту. Теперь я понял, что мне не показалось. Ещё одна тень выбралась из расселины и кинулась к стене. Когда над краем скалы поднялась третья голова, я крикнул:

– Дукат! Там из бухты вылезают какие-то люди и бегут к маяку.

И услышал его спокойный голос:

– Это не люди, МакАртур, неужели вы ещё этого не поняли? Это ваш Маршалл и его новые друзья!

– Бросьте, Дукат, Маршалл не причинит нам вреда!

– Вы так уверены? – усмехнулся Дукат. – Представьте, что вы – солдат. Вы можете быть прекрасным человеком, но дали присягу, и когда будет надо, вы будете, чёрт вас подери, убивать, потому что это и есть ваша работа. Вам ясно?

– И что делать? – растерялся я.

– Вам – ничего! У вас даже пистолета нет. Забейтесь в какой-нибудь угол и молитесь, чтобы мы смогли пережить эту ночь... – он взглянул на часы и горько усмехнулся: – Которая ещё даже не началась. Всё, уйдите, МакАртур, не перекрывайте мне линию стрельбы.

Мне ничего не оставалось, кроме как вернуться на свой наблюдательный пункт. Я вглядывался в темноту за окном, но никаких движущихся пятен больше не было. Ветер, казалось, немного стих, зато усилился ливень. За потоками воды, льющимися за стеклом, разглядеть что-то было уже невозможно. Пришлось расписаться в собственной бесполезности.

Я опустился на пол спиной к линзам и склонил голову. Попытался вспомнить молитвы, но кроме "Отец наш небесный" в голову ничего не лезло, а он, со слов Тома, спасти от этих тварей не мог.

Шло время, но ничего не происходило. Буря достигла пикто и не усиливалась, но и не ослабевала. От жара, бьющего в спину, меня разморило, и я, кажется, задремал. Когда снизу раздался грохот, я подскочил от неожиданности и чуть не растянулся на полу. Голова трещала, как с перепоя, а в гор-

ле пересохло. Воздух в фонаре разогрелся, а свет, бьющий сквозь линзы, выжиг всю влагу. Я на четвереньках переполз к Дукату с обратной стороны, памятуя его слова про линию стрельбы, и опустился на пол рядом.

– В горле совсем пересохло, – просипел я. – Вы воды, случайно, не взяли?

– Нет, – ответил он, протягивая мне фляжку. – Только бурбон. Будете?

Я сделал осторожный глоток, и огненная жидкость добавила жара, но после неё стало легче.

– Спасибо, – сказал я, возвращая виски. – Так может объясните уже, от кого мы тут прячемся?

– Понятия не имею, – пожал он плечами.

– Интересный поворот. А выглядели вы, как человек, который знает, что делает.

– МакАртур, – сморщился он с досадой. – я в состоянии сложить два плюс два. Ну в лодку я бы ещё мог поверить, но в то, что вы станете нырять в холодное море за вёслами, да ещё и их найдёте, что уж совсем невероятно?.. Ну согласитесь, несложно понять, что мы столкнулись с тем, что выходит за рамки обыденного. Есть смысл принять всё сказанное вами на веру. – Он поболтал в воздухе флягой, пытаясь определить, сколько в ней осталось и со вздохом сунул её во внутренний карман. – Знаете, Дональд, у меня старая привычка: в любой переделке я готовлюсь к наихудшему. После вашего запоздалого признания, я взвесил все за и против и

решил: то, что вы рассказали, и есть худшее, что может случиться, как бы странно оно ни звучало.

– Удивительная у вас логика.

– Моя логика много раз спасала мне жизнь. Будем надеяться, что спасёт и сегодня.

– Ну хорошо! – заметил я провал в его рассуждениях. – А свет? Почему вы сказали, что там, где свет, мы в безопасности?

– МакАртур! Вы меня разочаровываете. А кто мне рассказал о том, что Маршалл, вылезший из ледяной воды в первозданной наготе, просил вас выключить фонарь? Холод ему ни по чём, а от чахлой керосинки – непереносимые страдания?

– Ясно, – поник я. – А можете дать ещё глоточек? С виски как-то легче переживать эту ночь. Хотя это и бурбон.

Дукат глянул на меня косо, но достал флягу.

– Глотните, но немного. Ночь долгая.

Жара продолжала давить на мозги. Мы сидели с Дукатом бок о бок, говорить было особо не о чем, молиться некому. Снизу раздавался какой-то неясный шум, но источник его определить было невозможно. За стеклом завывал ветер.

– Долго до рассвета? – спросил я. Мои часы остались на тумбочке в спальне, где бродили сейчас эти жуткие создания.

– Больше пяти часов, – ответил Дукат, щёлкнув крышкой старомодной луковицы.

Я обречённо выдохнул. Внизу заскрипели ступени. Дукат насторожился. Он выставил локоть в сторону люка и уложил револьвер на сгиб. Мы замерли. Дукат казался невозмутимым, но я видел, как подрагивает ствол. Шаги приближались. Кто-то невидимый поднимался по винтовой лестнице к люку. Он остановился, стало тихо, потом скрипнули петли, но крышка не подалась. Раздался удар, и рундук глухо подпрыгнул.

– Чёрт, сильная тварь! – сказал Дукат. – Полезайте наверх.

Собрав волю в кулак, я вскарабкался на рундук. Дукат встал рядом, широко расставив ноги. Ствол пистолета он направил на край крышки, торчащий из-под нашей импровизированной баррикады. Снизу стукнули ещё раз, и по тому, как подпрыгнул неподъёмный ящик под моими ногами, я понял, что удар такого кулака пробьёт мне грудь насквозь. Я встал на колени и обеими руками вцепился в крышку.

После следующего удара затрещало дерево. Ещё один удар, и кусок доски просвистел в дюйме от носа Дуката. В образовавшуюся дыру просунулась рука и зашарила по полу. Дукат дважды выстрелил в кисть. Рука исчезла, с лестницы раздался истошный крик, совершенно человеческий. Дукат упал на колени перед дырой в люке и выстрелил ещё дважды. Вопль оборвался, влажно врезалось тело в пол далеко внизу.

– Их можно убить, хорошая новость, – ухмыльнулся Дукат и подхватил четыре патрона с пола. Быстро загнав их в барабан, он встал наизготовку. Внизу было тихо, по лестни-

це больше никто не поднимался. – МакАртур, – сказал он шёпотом. – Ветер стихает. Посмотрите в окно: новые твари не лезут?

Я прокрался к своему старому наблюдательному пункту и устался в темноту. Сначала ничего не происходило, потом я увидел, как от стены маяка внизу отделились две тени. Они тащили за собой третью. Поднесли её к обрыву и, раскачав, зашвырнули в океан. Тени бегом вернулись ко входу в маяк. Внизу послышалась возня, металлический скрежет. Свет маяка начал угасать, в фонаре наступила темнота.

– Они перекрыли трубу? – Изумлённо спросил я.

– То, что они разумны, я понял по вашему рассказу, а Маршалл прекрасно знает, как тут всё устроено, – ответил Дукат.

– И что мы будем делать?

– Ждать, – он спокойно достал из кармана флягу, отхлебнул сам и протянул мне.

Внизу движение продолжалось. Звенел металл, потом что-то разлилось, забурлило. Я напряжённо прислушивался к звукам снизу.

– Кажется, мы остались без топлива, – сказал я.

– Паршиво, – равнодушно ответил Дукат, вынимая из кармана новые патроны взамен использованных.

Буря за окном постепенно затихала, ветер разогнал тучи. Показалась полная луна, а на востоке небо посерело, даря надежду. Возня внизу продолжалась, но там было темно, а

стрелять наугад Дукат не хотел. Потом наступила тишина, перемежаемая тихими щелчками, едва различимыми среди бульканья карбида. И, когда мы думали, что твари ушли, совсем близко раздался ровный голос:

– Мы дарим вам ещё один день.

Дукат выпустил в люк всю обойму, но снизу раздался смех, такой же ровный и невесёлый, как и голос перед этим. Пока мой начальник с дымящимся пистолетом, тяжело дыша, смотрел на повреждённый люк, я кинулся к западному окну.

От маяка, пригнувшись к земле, бежали два человека. Их движения были невероятно быстрыми и резкими, как у тараканов или ящериц. Один скользнул в расселину, а второй задержался на краю. В слабом свечении зарождающегося утра я готов поклясться, что видел: приложив руку по военно-морскому, козырьком, он отдал честь и нырнул следом.

Когда солнце показалось над горизонтом, мы сдвинули рундук и открыли люк. Пол внизу был залит водой, ёмкости с карбидом пусты. Едкий запах ацетилена говорил, что всё наше топливо без всякой пользы ушло в воздух. Хоть вслух я ничего не сказал, Дукат ухмыльнулся:

– Не всё. Идёмте.

Мы зашли в спальню, он полез под четвёртую, пустую койку и выволок за ручку нетронутую ёмкость. – Наши безголовые матросы очень торопились, и расставили их как попало. Одну деть было некуда, я сказал запихать под кровать.

Мы внимательно осмотрели все части нашей ацетиленовой горелки. Ёмкости были вскрыты и опрокинуты, но трубы остались целыми.

— Ремонта на несколько часов, к темноте можно попробовать закончить, — заключил Дукат. — А что с лодкой?

Мы заглянули в пристройку. Лодка лежала нетронутой, вёсла тоже.

— Ну, что будем делать? Скажу сразу: у нас мало шансов пережить следующую ночь.

— И что вы предлагаете, сэр?

— Я постараюсь восстановить работу маяка, а вы можете попробовать на лодке добраться до берега. После такой ночи эти твари, думаю, отсыплются. По крайней мере у кого-то будет возможность выжить.

— И вы хотите, чтобы я на вёслах проплыл два десятка морских миль?

— Да, — спокойно сказал Дукат. — А я попытаюсь отбиться от этих тварей. Готовы? Или предпочтёте сдохнуть со мной, даже не попытавшись?

Дождавшись моего согласия, он ушёл в спальню и вернулся через несколько минут с исписанным листком.

— Доберётесь в Каслбэй, отдайте это письмо комиссару, он меня знает. Будет расспрашивать — отвечайте всё, как есть. Поняли? МакАртур, что за смертная бледность на вашей шотландской физиономии? Возьмите себя в руки! — Он вытащил фляжку и почти насильно влил в меня остатки бур-

бона. — Полегчало? Потащили.

Мы отволокли лодку в бухту и спустили на воду.

— Давайте, МакАртур, обойдёмся без долгих прощаний. Удачи вам! — сказал он и начал раскуривать трубку.

— Вам тоже! — ответил я, прыгая в шлюпку.

Я плыл уже очень долго. Солнце поднялось в зенит, но прогреть холодный воздух оно не могло. Так и существовали они: светило отдельно, мороз отдельно. Чтобы не задубеть, я упрямо продолжал грести. От усталости шумело в ушах, горели перетруженные мышцы, волдыри на ладонях полопались и пачкали кровью вёсла: синее и второе, зелёное, со следами зубов. Я продолжал двигаться, но земля всё не появлялась. Солнце клонилось к закату, над морем белесыми струйками начал подниматься туман, но я упрямо грёб впереёд.

От усталости я не заметил, как накренилась лодка, а, когда капли забарабанили в дно лодки за моей спиной, не смог даже пошевелиться. Мокрая рука, покрытая чёрными волосками, обхватила меня за грудь, стальным обручем вжимая руки в бока. Мокрая ладонь легла на макушку, неодолимо клоня голову к плечу. Железистый запах рыбьей крови ударил в нос. Удивительно, но панический ужас сменился облегчением. Всё кончено. Мне больше не надо бороться за свою жизнь, не надо грести, преодолевая боль в мышцах и натёртых до кровавых мозолей ладонях.

— Я сделал всё, что мог, — услышал я голос Томми. Длин-

ный раздвоенный язык коснулся моей шеи, и от его движения кожа онемела. Когда её прокусили острые клыки, я ничего не почувствовал. Я совсем забыл, что мне сказал Томми в ночной бухте Эйлин-Мора: «Смерть – не самое страшное».

Я очнулся в мерцающей синеве на белой равнине, волнами уходящей вдаль, и не сразу понял, где я, а, когда понял, в панике закрыл рот рукой. Между пальцами натянулись бледные перепонки, лёгкие заполнились водой. Вода окружала меня, заполняла, нежно струилась по коже, как тончайший песок под моей спиной, не тёплая и не холодная, – она стала моим воздухом.

Ухватившись за камень, обросший кораллом с розовыми рожками, похожими на мёртвые пальцы, я поднялся. Коралл под моей рукой рассыпался в труху. Я понимал, что произошло, но всё ещё надеялся, что всё это – бред умирающего разума. Оттолкнувшись от дна, я легко взлетел к смутной фигуре надо мной. Мой молодой друг Том неподвижно висел в толще воды и улыбался пастью, полной острых акулиных клыков.

– Простите, мистер МакАртур, – виновато сказал он, – но у меня не было выбора. Скоро вы поймёте, что здесь ни у кого нет выбора и простите меня.

Я коснулся языком зубов и что-то длинное и тонкое, похожее на раздвоенный змеиный язык, мелькнуло перед глазами.

– Боже святой! – выдохнул я.

– Его здесь нет, – виновато сказал Том и повёл меня к Хозяину.

Морской бог не был похож на Нептуна, каким его изображают на картинах. Он был обычным человеком, плотным, грузным дикарём с длинными волосами. Всё тело его покрывали причудливые голубые узоры. Глазами, мутными и безразличными, он посмотрел на меня и молча ушёл в свою пещеру. Единственное, что отличало его от нас – рост. В высоту великан был не менее тридцати футов.

Хозяин был голоден и зол. Он потерял одного из охотников, старшего сына Нэрна. Не застрели Дукат прошлой ночью этого парня, я бы держал ответ перед Отцом Небесным, а не стал вечным рабом Хозяина Морского. Пропавший старый Нэрн тоже был здесь: крепкий, быстрый и сильно помолодевший.

Том быстро объяснил, почему приказы хозяина надо выполнять. Он привёл меня к огромной яме, заполненной шевелящимися огрызками таких, как я и Том, но без рук и ног. Беспомощные, они не могут выбраться из этой ямы и живут в ней веками, питаюсь отбросами и с завистью глядя на проплывающих над ними безмозглых рыб. Урок я усвоил. А ещё понял, чем рисковал Томми, пытаюсь меня спасти.

Этой же ночью мы выбрались на берег и выломали кое-как прилаженную дверь. Нэрн первый сунулся по лестнице наверх и скатился с простреленной ногой. Тогда я взял одну из

пустых ёмкостей, и, прикрываясь ей, как щитом, подобрался к люку вплотную. Дукат стрелял, пока не закончились патроны, а потом полез в жилетный кармашек за последним, для себя. Я не мог позволить ему такую роскошь: хозяина лучше не злить.

Одним ударом я вышиб крышку люка. Рундук отъехал в сторону. Я запрыгнул внутрь, в тёмный фонарь: Дукат так и не смог починить горелку. Обеими руками я стиснул его плечи, он зашипел от боли и ужаса, когда увидел моё лицо, и узнал меня. Патрон выпал из его пальцев и укатился в темноту.

Я виновато сказал ему: «Прости» – и передал из рук в руки Тому. Мне было жаль Дуката, но я раб Хозяина, его солдат, и должен выполнять приказы. Кто забывает об этом – ложится в верхний слой ямы и завидует рыбам, а те, кто лежит ниже – ему. Так началась моя новая жизнь, и я быстро понял, почему она хуже смерти.

Я часто вспоминаю своих родных. Особенно сильно я тоскую по моему внуку Шону. Ему уже десять лет, и я часто вижу, как он играет на берегу в Мангерсте. Там, на мелководье, из воды торчат камни. Мои мокрые волосы одного цвета с ними. Я подплываю поближе, в глубокую тень, и слежу за своей семьёй. Со стороны – просто ещё один небольшой валун.

Шон возится в песке у кромки воды, а Шинейд сидит в плетёном кресле с навесом и читает книгу. Иногда появляет-

ся моя жена Грейс, но я совсем по ней не скучаю. А один раз они привезли в коляске Лорну, пьяную и весёлую, и я был очень рад её видеть. Как бы я хотел посидеть с ней со стаканчиком доброго виски у пылающего камина, как прежде.

Из Лорны вышел бы хороший охотник. Мне хочется забрать их к себе в океан, но сделай я это, и обреку их на вечное рабство. Выйти к ним я не могу: если солнце меня не сожжёт, убьют люди. Остаётся с тоской смотреть на них из тени, не в силах пересечь границу между нашими мирами.

Я знаю, что и Том часто приплывает в Каслбэй и смотрит, как его жена гуляет по набережной с коляской, и я так же знаю, что и его посещают такие мысли. У Тома уже нет левой ноги. Он разозлил Хозяина, и тот её съел, медленно и жадно чавкая, под вопли бедняги Маршалла. Свой первый шаг к яме он уже сделал. Плавает Том теперь намного медленней, а значит у него больше шансов вызвать недовольство. Хочет ли он такой же участи жене и ребёнку? Вряд ли.

И я не хочу. Но вдруг однажды тоска окажется сильнее меня?

Два года спустя

Вой ветра и грохот океанских валов, разбивающихся о скалы заглушили тихий плеск воды под босыми ногами. Не лязгнул ключ в замке, потому что в Мангерсте чужие не ходят, а своих не боятся. Не скрипнули петли, смазанные хозяйственным Роем Броди. Не треснули половицы, известные мне наперечёт. Я осторожно вытащил из сундука со старым тряпьем свою прохудившуюся рубаху, вытерся и сунул на дно.

В небольшом справном домике пахло жареной рыбой и сушёным сорго. На вымытом и натёртом воском полу лежали чистенькие половики, а дверные косяки сияли свежей белой краской.

Я прикрыл за собой дверь и стянул с вешалки прорезиненный макинтош Роя, моего зятя. Осторожно, не наступая на скрипящие половицы, я подошёл к спальне. Родной дом рождал странные чувства: будто сменились хозяева, и я крадусь по до боли знакомым комнатам, обжитым чужими людьми.

В кровати моя дочь Шинейд разметала по подушке роскошные медные волосы, её пышная грудь под тонким кружевом ночной сорочки поднималась и опадала в такт дыханию. Спала одна, значит зять уехал в Сторновой и застрял там из-за непогоды. Нализался, небось, «Берсеркера» и тискает единственную портовую шлюху на весь городишко, страш-

ную, как всё моё нынешнее существование. Да и чёрт с ним, не мне морали читать. На всякий случай я подпер дверь шваброй и двинулся на цыпочках дальше, мимо кухни, в маленькую комнатку в другом конце дома.

Я аккуратно приоткрыл дверь, смазанные петли не скрипнули. Не всегда хорошо быть таким хозяйственным, как Рой. Шонни, мальчик мой Шонни, спал в своей кровати. Он вытянулся, повзрослел, ему уже двенадцать. Я присел рядом на стул. Когда-то Шинейд читала ему сказки перед сном, ребёнок вырос, и уже давно читает сам, а стул возле его кровати так и стоит.

Задержав дыхание, я склонился над ним, услышал, как мерно бьётся его сердце, как тихо сопит его вздёрнутый носик. Протянул руку, чтобы коснуться волос, и удержался. Я не хотел его будить. Тёмно-русые волосы он унаследовал от Дага, а лицом был удивительно похож на меня в его возрасте. Ох, сколько женских слёз прольётся на наших островах, когда он подрастёт. Если подрастёт...

Я откинулся на спинку и посмотрел в окно. Рваные тучи неслись по небу, то открывая, то снова пряча диск луны. Её свет освещал моё лицо, оставляя всё, что ниже кончика носа в тени. Во мне многое изменилось с того проклятого дня, когда я очнулся на дне. Например, я начал чувствовать свет. Лунный – спокойный, он похож на нежное касание первого весеннего солнца, каким я его помню. Сейчас от такого касания кожа горит огнём, и от боли можно сойти с ума.

Я очень сильно злюсь на Тома, и понимаю, что напрасно. Никто из нас, семерых охотников Морского Хозяина, себе не принадлежит, потому что наша жизнь хуже смерти, а наказание за непослушание – намного страшнее нашей жизни.

Какой-то особенно сильный порыв ветра стукнул в окно так, что стёкла зазвенели. Шон подскочил на кровати и сел, протирая кулаками глаза. Я замер, не шевелясь, понимая, что уже ничего не смогу изменить, и проклиная себя за эту слабость. Шон оторвал руки от глаз и увидел меня, в его широко распахнутый рот хлынул воздух, который сейчас превратится в истошный крик, но вдруг он застыл, задохнувшись, и тихо прошептал:

– Деда?

Я прикрыл рот рукой, чтоб случайный лучик света не сверкнул на моих игольно-острых зубах и тихо сказал:

– Да, Шонни, это я, твой дедушка Дон.

Шон вскочил, чтобы кинуться ко мне, но я выставил руку.

– Нет, Шонни, тебе нельзя меня касаться, присядь.

– Ты привидение? – спросил он. – Ты ведь умер, деда!

Я с гордостью и восхищением смотрел на своего внука: в его глазах не было страха. Только любовь и тоска.

– Да, Шонни, умер, но я хорошо себя вёл, и мне разрешили на тебя посмотреть. Только касаться нельзя: одно прикосновение, и я развеюсь, как дым.

Мальчик сел, поджав ноги, луна светила ему в затылок, но я хорошо вижу в темноте, вижу даже такие мельчайшие

детали, как маленькая слезинка, бегущая по его примятой от сна щеке.

– Не плачь, Шон, – шепнул я. – Ты маленький, но мужчина. В жизни будет много потерь, учись с ними справляться.

– Я не... – он всхлипнул и сказал твёрдо: – Не буду плакать. Ты ведь ещё придёшь?

Врать любимым людям – последнее дело. Сказал бы «грех», но для Отца Небесного меня больше нет, а Морской Хозяин такого слова не знает. Я осторожно покачал головой, так, чтобы мой рот не попал в полосу лунного света и сказал:

– Я не могу обещать, Шонни, но постараюсь. Ты ложись и крепко-крепко закрой глаза. Утром в постели найдёшь подарок от меня. Маме скажешь, что нашёл это на берегу. Ещё скажи ей, что очень хочешь учиться в школе святого Эдварда в Глазго.

– А почему в Глазго, деда?

– Подальше отсюда, Шон. Скажешь, обещаешь?

Мальчик кивнул и зажмурился. Осторожным движением я положил ему в изножье большую золотистую жемчужину и тихонько вышел из комнаты.

Шон – умный мальчик. Он понимает, что под привидениями не скрипят стулья, и им не надо открывать дверь, чтобы выйти из комнаты. Когда я был уже на краю обрыва, ветер принёс его крик:

– Деда!

Я обернулся. Шон в белой пижамке стоял на пороге до-

ма и ветер развевал его волосы. Он был таким маленьким и беззащитным, что у меня сжалось сердце. Я похитил столько людей, чтобы наполнить бездонное брюхо хозяина... Я столько раз смотрел, как он ест их, вырывая куски мяса из живого, извивающегося в его руках тела, что уже привык, и они перестали приходить ко мне в кошмарах. А сейчас перед моими глазами возникло видение его тела в мокрых руках Хозяина, и сердце остановилось.

Будто отвечая моим мыслям, лунный свет за мной пропал, закрытый огромной тенью. Я развернулся, готовый до последнего драться за своего внука, чего бы мне это ни стоило, даже вечности в яме, но сзади было пусто, только огромная туча закрыла собой ночное светило.

Я махнул ему рукой, поднимать шум мне не хотелось. Шон меня понял. Он хриплым шёпотом крикнул:

– Я буду ждать тебя, деда!

Как только за ним закрылась дверь, я разбежался и прыгнул в море.

В Мангерсте не было ни гостиниц, ни пабов, как таковых, слишком маленькой была их деревушка. Но когда в одном месте собирается хотя бы трое шотландцев, им непременно надо поговорить, а когда на дворе круглый год холодно и сыро, обязательно нужно согреться.

Муж Аннабель Ганн, Колин, был таким же, как все остальные рыбаки: ловил рыбу, сбывал улов перекупщикам, латал

их старый, ветхий, но просторный дом. Ганн говорил, что камни его помнят Марию Стюарт, но вряд ли королева когда-либо посещала наш почти безлюдный остров. Ещё Ганн гнал самогон и настаивал его на побегах вереска. Своим продуктом он охотно делился с другими рыбаками. Они пили, братались, орали дурными голосами песни, дрались, опять братались, опять пили. Потом Аннабель с веслом в руке разгоняла весёлую компанию. Потом Ганн с тем же веслом гонял по Мангерсте Аннабель. Так они и жили: широко, весело, душа в душу, веслом по хребту, когда как, пока Аннабель не стала вдовой. И унесла Ганна не морская стихия, а жидкость покрепче.

После очередной попойки летел он, размахивая веслом, по краю обрыва за быстроногой Аннабель, и в один момент так неудачно махнул, что увлекла его тяжёлая деревяшка вниз, на острые камни. Рыбаки-собутельники быстро организовали экспедицию и принесли его окровавленное тело Аннабель. Утирая горькие слёзы, новоиспечённая вдова вытащила из подпола две четвертных бутылки верескового самогона на помин души до срока ушедшего Колина Ганна, и это был последний самогон, который жители Мангерсты пили бесплатно.

После похорон Аннабель сказала, что её дом всегда открыт для тех, кто хочет согреться душой, но платить за это придётся деньгами. Она быстро восстановила производство согревающих душу жидкостей, и получилось не хуже, чем

у покойного Колина. Дело потихоньку пошло, на вырученные деньги Аннабель начала привозить из Сторновея пиво. Попробовала завезти настоящий виски, но Мангерстцы по-прежнему отдавали предпочтение её самогону. Случалось, к ней приходили недовольные жёны, бывало и с поленьями в руках. Хозяйка паба выходила им навстречу, вытирая об подол натруженные руки, привычные и веслом махать, и полные четверти из погреба таскать. Жёны смотрели в её полные сочувствия глаза и быстро соглашались, что "лучше у Аннабель, под присмотром, чем неизвестно где и непонятно с кем".

Когда, ещё в прошлом веке, у их берега разбилась рыбацкая шкуна из Портри, рыбаки притащили большой кусок бортовой обшивки, а вдова Нэрна вывела на нём белой краской "У Аннабель", и паб обрёл своё официальное название. И когда Дон МакАртур со всей сменой зрителей бесследно исчез, его душу поминали тоже здесь, в единственном в округе пабе. И все эти люди сидели сейчас в её зале за длинными деревянными столами.

Аннабель сняла с крючков два десятка тушек копчёной сельди и разложила их на деревянном подносе. Подкинула щепок в коптильню и развесила новую партию, прислушиваясь к шуму в зале. Только что было тихо, а сейчас забухтели голоса, взлетел визгливый голос старика Маклейна, заухал, как в бочку, Логан, двоюродный брат пропавшего Нэрна. Аннабель, качая головой, пошла в зал утихомиривать бу-

зотёров.

– Это пикты! – вопил, срываясь на фальцет Маклейн.

– Да какие пикты? Ты совсем из ума выжил? – гудел в ответ Логан. – Пикты вымерли сотни лет назад. Ни одна тварь Божья не может жить так долго!

– Да? – взвился старик. – А я знаю, что есть черепахи, которые по двести лет живут! Представляешь? Родилась, когда Шотландия была независимой, и жива до сих пор!

– А ты откуда знаешь, Маклейн? У её мамочки роды принимал?

– Так! – грозно прервала спор Аннабель – Чего расшумелись?

Она водрузила в центр стола деревянную доску с копчёной сельдью, и к ней потянулись мозолистые руки.

– Маклейн, старый дурак, байки травит, – ухмыльнулся Логан, умело разбирая рыбу пальцами.

– И ничего не байки, – обиженным голосом ответил старик. – Когда наши предки завоевали север, пикты, кто смог, сбежали сюда, на Гебриды. Зимой начался голод, выкосило почти всех, остались только самые сильные: семеро охотников и их предводитель. Как, думаешь, они зиму пережили?

– И как же? – ехидно скривился Логан.

Старик склонился над столом, глядя на него исподлобья.

– Они сожрали всех: сначала собственных детей, потом жён! – сказал он, таинственно понизив голос.

– Дед, тебе книжки писать надо, фантазёр, – расхохотался

Логан. – Они тебе сами об этом рассказали?

Старик сверкнул глазами из-под кустистых бровей и ответил невозмутимо:

– Ну конечно не сами. Когда наши предки высадились на острове Эйлин-Мор, они обнаружили только восьмерых здоровенных пиктов, а один из них был на голову выше самого высокого шотландца, хотя пикты, чтоб ты знал, племя низкорослое, вроде карликов или африканских пигмеев. А ещё множество обглоданных костей: и мужских, и женских, и детских, и на костях – следы человеческих зубов. А посередине островка стояла пирамида, сложенная из черепов. Шотландский военачальник рассвирепел и приказал их всех убить. Семерых перебили, а восьмой, самый здоровый, отбивался до последнего. Два десятка воинов его пытались зарубить, а достать не могли. Оттеснили его на самый край утёса. Он понял, что отбиться не сможет. Посмотрел вниз, а там – пропасть, а на дне – камни. Нет спасения. Тогда он заревел нечеловеческим голосом, от воя его шотландские воины на шаг назад отступили, хоть и храбрые все были, и закалённые в боях. А он мечом обвёл их и сказал: "За каждым приду, все служить мне будете!", потом оттолкнулся и прыгнул. Кинулись шотландцы вперёд, выглянули за край обрыва. Думали, там окровавленное тело на камнях, как... Ой, прости, Аннабель, Царствие ему небесное!

Старик торопливо перекрестился, но Аннабель только рукой махнула и поставила перед ним бутылку с настойкой.

– За счёт заведения, помяните грешную душу раба Божьего Колина, – объявила она и ушла за стойку пересчитывать деньги.

– Так что там было, мистер Маклин, – спросил молодой рыбак Хэмиш.

– Кого вы слушаете? – презрительно протянул Логан, разливая настойку по кружкам.

Остальные промолчали, всем хотелось узнать, что было дальше. Старик, не торопясь отхлебнул настойки, занюхал селёдочным хвостом не торопясь, наслаждаясь редкой минутой всеобщего внимания.

– Ни-че-го! – сказал он, улыбаясь щербатым ртом. – Голые скалы и море. Но с этого дня начали пропадать воины, один за другим. Утром просыпаются – двух-трёх нет, и ни тел, ни следов, ни беспорядка. Тогда шотландцы решили покинуть проклятый остров. Они погрузились на корабль и двинулись в Шотландию. В тот день на океан опустился такой густой туман, что руку вытяни, и пальцев не сосчитаешь. Прошли мимо Нэсса и пропали, а через месяц их корабль вынесло на скалы около Олдшормора. Корабль почти целый, вещи на месте, а людей нет. И ни крови, ни тел, вообще никаких следов, что на этом корабле кто-то был.

– И откуда же ты, Маклейн, можешь знать, что случилось тысячу лет назад во всех подробностях? Про черепа эти, про кости со следами человеческих зубов, про туман?

– Оттуда, – спокойно ответил старик. – У нас эту историю

из поколения в поколение передают. Ты можешь сказать, что это просто легенда...

– Конечно, легенда, – фыркнул Логан.

– Ты, Логан, человек пришлый, в Мангерсте недавно, – подала голос Аннабель. – А у нас эту легенду не только знают, но и есть доказательства, что если не всё, то многое в ней чистая правда.

Аннабель взяла с полки глиняную кружку и села рядом с Маклейном.

– Плесни и мне, – попросила хозяйка.

Старик набулькал ей настойки, не жалея. Она сказала:

– Светлая память тебе, пьянчуга.

Перекрестилась, закатив глаза в потолок, и выпила залпом. Все, кто сидел за столом последовали её примеру.

– Лет пятнадцать назад, Логан, – продолжила она, вытирая выступившие то ли от горя, то ли от самогонки, слёзы, – сюда приехали археологи из Эдинбургского университета. На островах Фланнах они нашли братскую могилу, и в ней останки пары десятков людей, вперемешку. Были там и женские кости, и детские. И самое удивительное, что черепа лежали отдельно, одной кучей. И на костях на самом деле нашли следы зубов. Так что, Логан, не всё, что говорится в легендах и сказках – выдумка.

Логан открыл рот, чтоб возразить, но Аннабель прервала его взмахом руки, ненамного меньшей, чем у него самого.

– Что касается Хозяина... Ты можешь в него верить, мо-

жешь не верить, но лучше верь, чтобы не потерять бдительность. Дон МакАртур тоже не верил, и старый Нэрн не верил, и где они сейчас? Шхуна Нэрна теперь принадлежит тебе. Теперь смотри, чтоб и судьбу его в наследство не получить.

– Острова Фланнах не зря наши предки называли "Семь охотников", – подхватил Маклейн. – Всё потому, что хозяин всегда отбирает себе семерых охотников, добывающих ему еду. Ровно столько, сколько убили шотландцы. И ещё... – старик замолчал, будто решая, говорить или нет. Посмотрел в уставившиеся на него глаза своих собутыльников и не удержался. – Я видел Дона МакАртура... Прошлой ночью.

Настала такая тишина, что стало слышно, как с края крыши падают капли. Все замерли, не донеся кружки до удивлённо разинутых ртов.

Да, на дворе просвещённый двадцатый век, и где-то за проливом, люди могут разговаривать друг с другом по проводам, дома освещают электрические лампочки, а по дорогам ездят экипажи без лошадей, но это там, в безопасной толчее цивилизации. Здесь, на пустынном северном острове, между человеком и природой нет защитных стен, и жизнь в Мангерсте сейчас мало отличается от жизни их далёких предков. Свет всё так же даёт огонь, повозку тянет лошадь, а расстояние между собеседниками ограничено остротой слуха и силой лёгких. Для жителей большой земли мангерстцы – суеверная деревенщина. Ну что ж, пусть приедут, проживут на лысеющих скалах посреди океана, повытаскивают хлеб

свой насущный из морских глубин в крошечные судёнышки, погуляют под луной, когда тень от проносящейся тучи легко спутать с привидением давно умершего прадеда, а там поговорим и про суеверия, и про научно-технический прогресс.

Аннабель со стуком поставила кружку на столешницу, и морок сошёл: рыбаки опрокинули настойку в пасти, облегчённо зашевелились, а она строго спросила у старика:

– А ты не заврался, Маклейн?

– Нет, Аннабель, – покачал он головой, – мне бы очень хотелось, чтобы это было сном. Меня часто мучает бессонница, и прошлой ночью тоже. Я вышел на кухню заварить чаю с ромашкой. Пока разжигал примус, выглянул в окно, и там его и увидел.

– За окном стоял?.. – тихо спросил бледный, как брюхо камбалы, молодой Хэмиш.

– Нет, – покачал головой Маклейн, – увидь я его за стеклом, вы б сейчас меня поминали. Я просто заметил, как какой-то человек поднялся над краем утёса напротив дома Роя Броди. Он пошёл к дому, и мне его походка показалась знакомой. Сначала я подумал, что это Рой решил выйти до ветру, но потом вспомнил, что он уехал в Сторновой, и Шинейд с Шоном остались там одни. Я кинулся в сарай, достал гарпун, натянул макинтош. Когда добежал до угла, человек шёл из дома к обрыву, и опять мне его походка показалась знакомой. А когда Луна вылезла из-за туч, я понял, что человек голый. Он дошёл до края и повернулся. Луна светила ему в

спину, и лицо я не разглядел, понял только, что это высокий и крепкий мужчина. Он помахал мне рукой... Я подумал, что мне, и от страха совсем оцепенел. Клянусь, мне никогда так страшно не было, и я не боюсь в этом признаться. А потом я услышал из-за угла тихое: "Я буду ждать тебя, деда!". Я заглянул за угол, а на крыльце стоял Шон Броди в одной пижаме. Как только он ушёл в дом, человек спрыгнул с утёса. И в этот момент я понял, почему мне знакома эта походка. Дон МакАртур всегда ходил так: задрав подбородок и выбрасывая вперёд ступни, как будто это он земной шар своими шагами крутит. Вот и всё случилось.

– Что случилось? – Хэмиш сглотнул и сунул нос в кружку. Ему стало не по себе.

– Маклейн хочет сказать, что Дональд МакАртур стал морским охотником, – ответила Аннабель. – Я не особо верю в легенду о хозяине, но всё-таки надо проверить.

Рыбаки заволновались, некоторые вскочили с места, но Аннабель поставила на стол ещё одну бутылку.

– Нечего сейчас, посреди ночи, людей пугать. Завтра утром сама схожу к Шинейд и разузнаю, как всё было.

* * *

Когда Шон проснулся, его голая пятка коснулась чего-то мокрого. Он резко сел, вдруг вспомнив события прошлой ночи, и не понимая ещё: где сон, а где явь. Под одеялом в изножье, посреди мокрого пятна, лежала большая золотистая жемчужина, простынь испачкана грязью с его ног, на стуле –

мокрое пятно. Шон понял, что это не сон: его дедушка Дон приходил к нему прошлой ночью. И он жив, потому что даже дети знают: привидения не оставляют мокрые пятна на сиденьи стула и не пахнут свежеразделанной рыбой.

День тянулся бесконечно долго. Шон носил жемчужину в кармане и никак не решался показать её маме. Он чувствовал, что если покажет, будут расспросы, и он может нечаянно выдать деда Дональда, а если это произойдёт, ему будет грозить опасность. Наступила ночь, и он сидел в кровати, боясь уснуть, всматривался в небо за окном, втягивал носом воздух, в ожидании неприятного запаха, который теперь говорил о близости любимого деда. Он ждал, пока явь не смешалась со сном. Как сонный щенок, он упал лбом в подушку и заснул крепко-крепко. Дед так и не появился.

Следующим утром мальчик понял, что больше тянуть нельзя: он дал деду слово. Стиснув жемчужину в кулаке, он выбежал из комнаты. Мамы не было ни в спальне, ни на кухне. Шон высунулся во двор. Шинейд, придерживая рукой развевающиеся по ветру медно-красные волосы, разговаривала о чём-то с миссис Ганн. Он увидел, как мама расхохоталась и беспечно взмахнула рукой, а Аннабель, напротив, нахмурилась. Она перевела взгляд на приоткрытую дверь дома и подозрительно посмотрела на Шона. Мама обернулась и подала ему знак, чтобы не выходил. Шон закрыл дверь и опустился на пол. Он прижал ухо к щели, откуда сквозил холодный воздух с моря.

– Маклейн не просыхает круглые сутки, тебе ли не знать? – услышал он мамин ехидный голос. – Если даже поверить, что охотники существуют, то как мы с Шоном пережили ту ночь?

– Не знаю, Шинейд, не знаю, – ответила ей Аннабель. – Если это и правда Дон, он мог пожалеть вас.

– Да? А зачем приходил тогда?

– Сама ломаю голову. Ты осматривала Шона? Укусов нет?

– Ни укусов, ни акульих зубов, ни перепонки между пальцами, – уверенно ответила мама. – И у меня тоже.

Они замолчали, и Шон слушал только шум ветра да гул разбивающихся о камни волн, а потом Аннабель сказала:

– Ты не будешь против, если я спрошу Шона о той ночи?

– Буду, Аннабель, буду, потому что не хочу забивать ему голову бреднями про морских охотников и их хозяина. Пусть спит по ночам спокойно и без кошмаров.

Шон услышал, как скрипнула ступенька под маминой ногой и кинулся в спальню. Сунул жемчужину под подушку, сам с сочинением господина Жюль Верна плюхнулся на ещё влажный стул. За миг до того, как открылась дверь, натянул одеяло на грязную простынь. Мама подошла и поцеловала его в макушку.

– Что читаешь?

– Таинственный остров, – ответил Шон, закрывая книгу.

– Таинственный... – сказала Шинейд, – прям, как наш.

Сынок! – Она опустилась на его кровать, расправила одеяло, и у Шона перехватило дыхание. – Позапрошлой ночью, когда папа уезжал в Сторновей, ты ничего подозрительного не слышал?

– Нет, мам. Шторм был и сильный дождь, это всё. А что?

– А кроме этого? Какие-то посторонние звуки?

– Нет, мам, ничего не слышал. Почему ты спрашиваешь? – Мама испытующе смотрела ему в глаза, и Шон почувствовал, как кровь приливает к его ушам. Он очень любил маму и совсем не хотел ей врать, но и сказать о том, что ночью к нему приходил дед, а потом, у него на глазах, прыгнул с утёса в море, он тоже не мог.

Шинейд заметила, как покраснели его уши, как появились красные пятна на его щёках. Заметила и ничего не сказала.

– Читай, сынок, – похлопала она его по колену. – Я сейчас приготовлю завтрак.

Она пошла к двери и остановилась в проёме, тревожно глядя на макушку сына. Он почувствовал её взгляд и обернулся.

– Мам, а где папа? – спросил Шон.

– Папа рано утром ушёл в море. Логан наткнулся на большую стаю макрели, сейчас все наши рыбаки там.

Шинейд поставила перед Шоном тарелку с жареными яйцами и тремя кружками сторновейского пудинга. Взярошила русые волосы. Пока он расправлялся с завтраком, зашла в его комнату и откинула одеяло. Колени у Шинейд ослабли и

она тихонько опустилась на стул. Когда через несколько минут притихший Шон вошёл в комнату, она так и сидела на стуле, невидящими глазами глядя на море за окном.

– Мам, – тихо сказал он.

Шинейд не пошевелилась. Шон обнял её за плечи и уткнулся носом в её густые волосы.

– Прости, – шепнул он виновато.

– Значит, это правда? – Шинейд накрыла руку сына и прижалась щекой. Ей никогда не было так страшно. – Кто приходил к тебе той ночью, Шон?

– Дедушка Дональд, – признался он.

Шон больше не мог скрывать, он рассказал маме всё, от начала и до конца. А потом достал жемчужину и протянул ей, и перламутрово-золотистый шарик стал последней каплей. Слёзы брызнули из глаз Шинейд. Она обняла сына так крепко, что ему было трудно дышать, положила голову ему на плечо и разрыдалась, а он гладил её по голове, совсем как взрослый.

* * *

Лодка Роя была слишком мала, а улов обещался большой. Когда Логан предложил ему идти на его шхуне, а улов потом поделить по справедливости, Рой согласился, не думая. Они вышли в море на рассвете, полдня тянули сети и ссыпали улов в трюм.

Небольшую часть сгрузили в лодку Аннабель Ганн. Она сама подхватывала огромные корзины, гружёные живым се-

ребром, и опрокидывала себе под ноги. Хватит, чтобы засолить целую бочку, и останется ещё гора для коптильни, а остальное – пожарит. Улов богатый, вечером рыбаки придут в её паб, и про их жён Аннабель тоже не забудет. Сегодня весь Мантерстад будет гулять.

Когда трюм шхуны заполнился почти доверху, Логан хлопал Роя по плечу:

– Шабаш, Броди! Я пошёл на Сторновой, сдам рыбу. Как вернусь, рассчитаюсь. Или хочешь, пошли со мной? – он подмигнул Рою. – Спрыснем в кабаке удачный день, девок пощупаем.

Рой посмотрел на утёс, над краем которого едва выступал бурый конёк крыши их домика и махнул рукой:

– А пошли! Развеемся.

Он перегнулся через борт, в паре кабельтовых от их шхуны на волнах качалась синяя шляпка, кто-то в плаще с натянутым капюшоном ковырялся на дне, перебирая улов.

– Эй, на борту! – зычно крикнул Рой, сложив руки рупором.

Рыбак поднялся, откинул капюшон. Это был молодой Хэмиш. В руках он держал здоровенного омара.

– Ого! – расхохотался Рой. – С уловом!

– Спасибо, мистер Броди! – крикнул он в ответ. – С вашим не сравнить.

– Да, брат, не говори... Ты не мог бы зайти ко мне домой по пути? Скажи Шинейд, что я с Логаном ушёл в Сторновой

сдавать улов, ему нужна моя помощь. Хорошо?

– Да, – кивнул Хэмиш и чуть вместе с омаром не рухнул за борт, когда его шлюпку качнула набежавшая волна. – Скажу. Жалко, что вас не будет вечером у Аннабель.

– Ничего, вернусь – наверстаю, – Рой козырнул по-военноморскому и пошёл выбирать якорь.

Ветер им совсем не помогал. Пока тащились вдоль западного побережья, дул Норд-Ост. Возле северного мыса, не зря носящего гордое имя Задницы Льюиса, он усилился и шхуну упрямо сносило к прибрежным скалам. Мастерством бывалых моряков и Божьей помощью, Логану с Роем удалось выгresti к порту Несс, но там пришлось бросить якорь и переждать пару часов, пока ветер немного не стихнет.

Когда шхуна Логана вошла в бухту Сторновея, был поздний вечер. Мангерстцы сунулись к складам, но нашли только запертые створы и угрюмого сторожа. Он тряс в воздухе древней "Смуглой Бесс" и обещал немедленно пустить её в ход, если "проклятая деревенщина" не уберётся восвояси. Как ни чертыхались Логан с Роем, а пришлось убираться.

– "Деревенщина"! – бурчал под нос Логан. – Тоже мне лондонский денди выискался!

Они свернули на улочку, поднимавшуюся от пакгаузов вверх по склону. Логан позвонил в дом рыботорговца, и тот, благоухая ароматом виски, заявил, что до утра никого своих сотрудников не поднимет, В доме раздавались возбуждённые голоса. Кто-то не слишком искусно пытался подобрать

на пианино новомодные "Фиалки" миссис Эллен Райт, юный девичий голос подпевал, путая слова. Логан вздохнул с немалой долей зависти и дёрнул Роя за рукав. Они двинулись к порту, и торговец с видимым облегчением захлопнул дверь.

Деньги для портового кутежа пока лежали в трюме в виде серебристых тушек, обильно пересыпанных каменной солью. Мангерстцы пересчитали наличную мелочь и горестно вздохнули. В лавке на набережной Логан купил бутылку самого дешёвого островного виски. Оставшейся мелочи едва хватило на две койки в ночлежке. Они завалились в похожие на гробы деревянные короба, которые тут заменяли кровати. Большое помещение с двумя десятками постояльцев освещала одна керосиновая лампа. Набитый соломой тюфяк и дырявое шерстяное одеяло – вот и все удобства.

Рой представил свою тёплую, мягкую жёнушку, её густые волосы, которые он так любил перебирать когда-то. Он уже пожалел, что пошёл с Логаном на Сторновой. Взял бы тот с собой юнца Хэмиша, ему всё равно по ночам делать нечего. Деревянный стук отвлёк его от грустных мыслей. Это Логан хлопнул донышком открытой бутылки по стенке «гроба» Роя.

– Пойло дерьмо, но согревает, – хриплым шёпотом сказал Логан, и Рой приложился к горлышку. Мощный сивушный дух ударил в нос, но свою роль виски выполнил, прогнал горячую волну по жилам, и жизнь показалась Рою уже не такой тоскливой. Под завистливое бурчание соседей, они при-

кончили бутылку и захрапели, не опасаясь, что их обворуют, потому что воровать у них было нечего.

Утром похмельный торговец рыбой принял у них улов. Логан торговался долго и ожесточённо. Пока сошлись в цене, пока грузчики перетаскивали рыбу на холодный склад, солнце перевалило невысокий зенит и отправилось освещать Исландию. К родным скалам Мангерста шхуна Логана подошла в кромешной темноте. Рыбаки спустили шлюпку и погребли к берегу.

Наверху появился огонёк, он то исчезал, то вновь появлялся. Когда шлюпка зарылась килем в песок, вниз, на пляж сбегал молодой Хэмиш. Фонарь болтался в его руке, то выхватывая из темноты смертельно перепуганное лицо, то милосердно пряча его.

– Мистер Броди, – закричал он. – Беда! Там... Ваш сын...

Не добежав несколько шагов до застывшего Роя, парень рухнул на колени и разрыдался.

* * *

Аннабель присела всего на минуту, положила на колени натруженные руки. Она прислушалась к боли в пылающих от перенапряжения мышцах, и под их воображаемое гудение чуть не заснула. Как только подбородок клюнул шею, она подскочила и кинулась снимать копчёную макрель. В копильне потемнело, она глянула через плечо.

– А, Шинейд, привет! Придёшь сегодня вечером? – спросила она.

Шинейд тряхнула гривой.

– С радостью б, но Рой ушёл с Логаном в Сторновой, а оставлять Шона одного я не хочу.

– Ясно, – кивнула Аннабель. – Сейчас.

Она спустилась в погреб и вернулась оттуда с двумя пинтами Берсерка в чёрных бутылках.

– На держи, скрасишь одинокий вечерок, пока Роя нет. И рыбки возьми.

Аннабель завернула три рыбины в кусок вощёной бумаги.

– Держи, держи, – улыбнулась она, протягивая Шинейд свёрток. – Эту рыбу твой муж выловил. Ну, что с тобой?

Аннабель вышла из коптильни и заглянула ей в глаза.

– Ты чего, детка?

Шинейд отвела взгляд и, не сразу, но призналась:

– Мне страшно оставаться там с Шоном, без Роя. А вдруг это правда?

Она заглянула в глаза Аннабель и добавила торопливо:

– Я не суеверна, но...

Она замолчала и Аннабель взяла её за локоть.

– Я тоже не суеверна, дорогая моя, но лучше тебе с Шоном будет переночевать у меня в доме. Садиться за стол к нашим пропойцам не обязательно, ложитесь в мою спальню. Мне всё равно до рассвета не спать.

Шинейд нерешительно оглянулась на свой домик на краю обрыва.

– Давай-давай, иди за мальчиком, нечего тут думать.

– Мы же не сможем всё время прятаться?

Аннабель посмотрела на неё, как на несмышлёную девочку.

– А ты не думай про всё время. Сегодня ночью Роя не будет дома, вот сегодня и переночуете у меня. А там видно будет. Ну, иди, – подтолкнула она соседку. – А это я в спальню отнесу.

* * *

Я тихо дрейфовал в низовом тёплом течении, лёжа на спине. В тридцати футах над моей головой бликовала мелкая рябь на поверхности. Вода умирала солнечные лучи, она превращала их из огненных плетей в тёплые мягкие пёрышки, ласкающие кожу. Меня постепенно сносило к Мангерста-бич, и я просто наслаждался теплом и негой. Один раз я выбросил в сторону руку, выловив из проплывавшей мимо стаи жирную макрель полутора футов длиной. Безмозглые рыбыны дёрнулись в сторону, но меня они больше не интересовали.

Ногтём я вспорол бледное рыбье брюхо и вытащил кишки. Оттолкнул вместе с головой их подальше от себя, и они в кровавом облаке пошли на дно, будет у крабов пиршество. Старые охотники, вроде Нэрна, рыбу ели целиком, со всей требухой, а я так и не мог преодолеть свою брезгливость. По сути во мне не так уж и много изменилось, кроме расширившейся пасти, утыканной кривыми зубами и небольших перепонок между пальцами, незаметных, если их не растопы-

ривать. Исчез накопленный жир, стала чуть бледнее и плотнее кожа, обострились обоняние и зрение, и появилось новое чувство: я начал распознавать по давлению воды приближение живых существ и ощущать кожей свет, как тепло. А в остальном я остался тем же самым Доном МакАртуром, только свершившим за последнее время столько злодеяний, что гореть бы мне в аду, если б я уже в нём не находился.

Господа здесь нет, крест никого не отпугивает и не защищает, слова святой молитвы не в силах прорвать границу воды и Божьего мира. В море есть воля Хозяина и свобода выбора: выполнять его приказы или неподвижным обрубком упасть в яму нашего ада в аду. Мне пока удаётся избежать этой участи, а малыш Томми уверенно к ней движется.

Мы ходили на лов к песчаным отмелям Бенбекьюлы: хозяин захотел молодого мяса. Пока сыт, он сквозь пальцы смотрит на то, что мы обходим родные земли, а мы молимся Богу, которого тут нет, чтоб Хозяин не послал нас за родными. Просто, для собственного развлечения. Тут, в виду западного берега острова стоял на рейде Корабль Её Величества "Энсон". Его Величества, конечно, никак не привыкну. Упокой, Господи, душу этой великой женщины. Самый страшный враг военного моряка – безделье, и отцы командиры, не жалея сил, гоняют молодых матросов на берег и обратно. Нам оставалось только выждать время.

Мы всемером висели под днищем корабля в ожидании, когда спустят на воду шлюпки. Наконец, с плеском врезались

в воду лодочные кили, затряслись борта под ногами спускающихся матросов. Вёсла шумно вошли в воду и две шлюпки с едой для Хозяина споро двинулись к берегу, а мы за ними. Тут некстати разошлись тучи, и мы решили опуститься ниже и подождать их возвращения.

Время шло, а с берега никто не возвращался. Выждав момента, когда рябь на поверхности немного потемнела, я всплыл на поверхность и приподнял голову над водой. На песчаном пляже под чёрными скалами лежали две шлюпки, наполовину вытащенные на берег. В одной из них сидел матрос, сторожил флотское имущество. Он повернул голову в мою сторону, и я на всякий случай опустилсся ниже. Перевернувшись на спину, я подплыл поближе, к самому деревянному борту со стороны кормы и спрятался в тени.

Матрос перегнулся через борт, зачерпнул воды умыть лицо. Он был совсем юным, и на хорошую бритву у него денег не было, поэтому чисто выбритая кожа была покрыта красными пятнами, и он морской водой пытался унять этот зуд. Молодое мясо, Хозяин будет доволен. Только одного мало: каждый из нас должен принести Хозяину по одному живому человеку. Матросик снова перегнулся через борт. Его лицо было в паре футов от меня, переведи он взгляд чуть правее, и увидел бы в тени борта бледное лицо с парой внимательно следящих за ним глаз. Но он зажмурился и плеснул холодной воды на раздражённую кожу.

Осторожно, стараясь его не спугнуть, я развернулся и по-

плыл обратно. Солнце село, часовой на шлюпке зажжёт керосиновый фонарь. Скрываться смысла не было, мы наполовину высунули головы из воды и наблюдали за берегом. В темноте нас увидеть было трудно, а свет фонаря ещё больше ослеплял матроса. Мы неподвижно висели, не шевелясь, и не сводя глаз с берега. Прошёл час, другой. Матрос от безделья не находил себе места. Бродил по берегу, кидал гальку в море, выполнял гимнастические упражнения по методу доктора Эрнста. Для нас скука проблемой не была, я быстро привык отключать мозг и впадать в странное состояние, схожее со сном с открытыми глазами: мыслей нет, эмоций нет, шевелиться не нужно, и так до тех пор, пока не...

Сначала я кожей уловил лёгкое колебание, и только потом из-за холма выехала двуколка с поднятым верхом. Керосиновые фонари бросали тусклый свет на грунтовую дорогу к пляжу. Следом гнедой шайр неспеша притащил крестьянскую телегу с матросами.

Из двуколки выпрыгнул какой-то щёголь в котелке, подал руку. На неё легла рука в белой перчатке, из тени, выглянула женщина в коричневом дорожном костюме и простой чёрной шляпке. Наши женщины так не одевались. Старик Нэрн повернул ко мне голову:

– Сладкое мясо, Хозяин будет доволен, – сказал он с довольной улыбкой. Этой улыбкой можно было до икоты напугать королевского драгуна.

Женщина о чём-то переговорила с щёголем, и он снова

протянул руку. Из экипажа, чопорно кивнув головой выбралась девочка лет семи в матросском костюмчике. Щёголь махнул рукой, один из матросов вытащил из экипажа чемодан и потащил в шлюпку. Женщина с девочкой, аккуратно придерживая подолы, спустились на пляж и сели в одну из шлюпок. Возница в котелке хлестнул лошадь поводьями и скрылся в темноте. Матросы спустили шлюпки на воду.

– Очень доволен... – тихо сказал Нэрн и ушёл под воду.

Я последовал его примеру. Две шлюпки для нас было слишком, поэтому мы договорились, что брать будем ту шлюпку, куда сели женщина с ребёнком. Её спустили на воду последней, и когда первая ушла вперёд на полмили, вторая только выгребла с мелководья. Мы опустились на дно и застыли в ожидании, слушая толчки от опускающихся в воду вёсел. Когда днище шлюпки оказалось прямо над нами, Нэрн выставил вверх руку с выломанным рогом нарвала и стремительно взмыл вверх. Рог с треском пробил дно, мы взлетели за ним и, ухватившись за борт лодки, перевернули её. Матросы, озадаченно рассматривавшие невесть откуда взявшуюся дыру в днище, ничего не успели сделать.

Нас было семеро. В лодке – семь матросов, женщина и ребёнок. Люди посыпались за борт, Нэрн кинулся к девочке в матросском костюмчике. Круглыми от ужаса глазами она смотрела на страшного человека с акульей пастью, приближающегося к ней. Её гюйс шевелился, как плавник кита, но унести её от страшных зубов не мог. Девочка закричала, воз-

дух вырвался из её лёгких пузырями, улетевшими к поверхности.

Меня разрывали противоречивые чувства: мне ужасно не хотелось видеть, как Хозяин будет вырывать куски мяса из бедного ребёнка, но за послушание полагается яма. Я опешил, и тут случилось что-то неожиданное: один из матросов выхватил складной нож и всадил его по самую рукоять под подбородок Нэрну. Тот завопил от боли так, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. Пока он опускался на дно, растерянно ощупывая рукой торчащую из шеи рукоятку, матрос подплыл к девочке. Он схватил её за волосы и вынырнул на поверхность.

Я огляделся. Каждый из охотников уже обездвижил свою жертву, в поднятой нами мути вверх проплыл Томми, прижимая к груди женщину в коричневом костюме. Передо мной возникло лицо Нэрна, перекошенное от злобы.

– Догони их, – прошипел он мне. – Если не сможешь забрать девчонку, убей обоих! Но не возвращайся с пустыми руками, слышишь?

От его головы в воде расплывалось чёрное облако крови, оно на глазах редело и таяло. Несмертельные раны на нас очень быстро затягиваются. Нэрн резким движением схватил за шею матроса, пытающегося скинуть тяжёлые ботинки, и поплыл прочь. Мне ничего не оставалось, кроме как отправиться за беглецами.

Как ни старался матрос, как ни грёб к берегу, но уйти от

меня он не мог. Я нагнал его в кабельтове от берега и бесшумно плыл сбоку, невидимый и неслышимый для его несовершенных органов чувств. Когда он добрался до мелководья, я бросился к нему. Одним ударом я оглушил его и вытащил девочку из ослабевших рук. Я поставил её на ноги, вода доходила ей до пояса. Девочка стояла, зажмурившись, и её трясло от холода и страха. Может быть, дети думают, что если не смотреть на чудовище, то оно исчезнет, не помню, я слишком давно был ребёнком, но я исчезать не собирался. Я взял её за плечи и встряхнул, и, когда она открыла зажмуренные глаза, и когда распахнулся её рот в беззвучном крике, я громким шёпотом сказал ей:

– Беги!

Она сделала неуверенный шаг назад, упала, голова сразу скрылась под водой. Я уже хотел отпустить матроса и выкинуть её на берег за шкурку, но воля к жизни проснулась в ней, над водой появилась её макушка, и, быстро перебирая ногами и руками по дну, девочка выбралась на берег. Всё, что мог, я сделал. Теперь ей самой предстоит мокрой и замёрзшей найти человеческое жильё.

Я приподнял матроса, сжал его одной рукой, прижав к себе. Смелчак пришёл в себя, увидел мою оскаленную пасть. Его лицо исказил панический ужас, он забился в моих объятиях, но сделать ничего не мог. Я свободной рукой наклонил его голову, почти не ощущая сопротивления и сказал тихо:

– Мне очень жаль.

Кажется, то же самое мне сказал Томми, когда влез на мою лодку в тумане. Потом мои клыки чуть-чуть прокусили ему кожу, и матрос затих. С пустыми руками мне возвращаться нельзя. Я проплыл мимо перевёрнутой лодки, возле которой качалась на волнах вторая. Матросы уговаривали своего чудом спасшегося товарища перебраться к ним на борт, но он только мычал и безумными глазами шарил по тёмной воде. С линкора спускали ещё две шлюпки на поиски утопающих, но я знал, что они никого не найдут.

Я был совсем рядом с ними, проскользнул мимо, одной рукой придерживая над водой лицо бедняги, спасшего девочку, второй чуть не коснувшись борта шлюпки спасателей. Его ждёт ужасная судьба, но к Хозяину надо доставить его живым. Как бы мне ни было его жалко, моя судьба была ещё печальнее.

А Томми опять разозлил Хозяина. Молодая женщина, которую он приволок к Хозяину, оказалась мертва.

Течение сносило меня к песчаному пляжу Мангерсты, но мне было лень шевелиться. В полумиле, ближе к берегу, полукругом темнели днища рыбацких лодок. Я заметил большую стаю макрели, скользнул в ту сторону. Как морская гончая, пуганул глупых рыбёх, и они сплошным серебристым потоком устремились прямо в рыбацьи сети. Знатный улов сегодня будет у земляков. Привет вам от старины МакАртура! Я был так беспечен... Беспечен и почти счастлив. Ненадолго я забыл, кто я есть, а это непросто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.